

Арина Теплова

Майна
СЕРДЦА

18+

Арина Теплова

Тайна сердца

Серия «Талисманы судьбы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67051173

SelfPub; 2023

Аннотация

1771 год В купальную ночь Даша кидает в реку заговоренный венок и загадывает желание – найти любимого и выйти за него замуж. Однако это действие прерывает ее старый недруг, Илья Теплов, старший сын дяди, в доме которого живет девушка. Илья требует, чтобы Даша вернулась домой и не позорила их благородное семейство. За жизнерадостный и покладистый нрав девушку обожают все домочадцы. Все, кроме Ильи. Он постоянно находит повод, чтобы задеть двоюродную сестру и указать ей на ее зависимое положение в доме. Но что же истинно скрывается за ненавистью Ильи? Уязвленное самолюбие, неприязнь к сироте или нечто другое? От автора: В книге описаны реалии XVIII в с закостенелым патриархатом в отношениях, главенствующим положением мужчины и женщинах, которые вынуждены подчиняться, таков был уклад жизни общества. В книге нет абьюза. Напиши я про равенство женщин тех лет, девиц кричащих о своем «Я», про нежных единорогов это будет ложь.

Мой роман основан на истор.фактах и реальной правде о том веке
и нравах

Содержание

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Дикарка	16
Глава I. Купала	16
Глава II. Святки	70
Глава III. Разлучница	106
Глава IV. Терзания	145
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Арина Теплова

Тайна сердца

Когда встречаются две души, предначертанные друг другу судьбой, роком и небесами, ничто не в силах разлучить их, ни люди, ни разлука, ни обстоятельства...

Когда до губ твоих остаётся полвдоха,

Когда до губ твоих остаётся полшага -

Зрачки твои сотканы из удивления,

В глазах у тебя сине и широко...

Что-то шепчешь зачарованно и тихо ты,

Тот шёпот мою тишину так режет...

И забываю я, что умею дышать,

И что ходить умею... забываю.

А чёрная птица век твоих вздымается

И уверенность моя куда-то теряется...

Неступившим полшага остаётся,

Полвдоха в горле застревает.

Зрачки твои сотканы из удивления,

В глазах у тебя сине и широко,

Но до губ твоих останется полвдоха,

До губ твоих останется полшага...

Неизвестный автор

ПРОЛОГ

Санкт-Петербург, особняк Тепловых на Фонтанке,
1763 год, декабрь

Дашенька легко пронеслась по широкому пустынному коридору и резко остановилась у приоткрытых дверей дальней комнаты. Быстро оглянувшись, девочка облегченно вздохнула, удостоверившись, что Лизы не видно позади. Шестилетняя Даша имела веселый и непоседливый нрав, и проворные прятки, в которые она теперь играла с двоюродной сестрой, очень любила. Ведь здесь, в огромном доме дяди, в котором нынче на святки девочка гостила вместе с родителями, имелось множество комнат и укромных уголков, где можно было отыскать тайное убежище.

Невольно Дашенька отодвинула темно-зеленую портьеру, которая обрамляла вход в комнату, и заглянула внутрь просторного помещения. Это была библиотека, с высокими резными шкафами до потолка, широким массивным столом и старинными портретами на гобеленовых стенах. Довольно улыбаясь своей выдумке, девочка обвела огромную комнату взглядом, решив, что нашла идеальное убежище от поисков старшей сестры.

Однако в следующий момент взор Даши остановился на

высокой худощавой фигуре юноши, который сидел недалеко от окна спиной к ней. Молодого человека звали Ильей. Будучи страшим сыном дяди Григория, он приходился Даше двоюродным братом. Юноша что-то мастерил, склонившись над небольшим столом у окна. Желая узнать, что делает Илья, заинтересованная девочка чуть вытянула тонкую шейку из-за тяжелой портьеры и притаилась у входа, укрывшись в складках темного бархата.

Илья вызывал в душе девочки смешанные чувства: опасности, интереса, желания понравиться и тревоги. Они редко виделись, лишь пару раз в год. В основном когда Даша с родителями приезжала в гости к дяде и тете в Петербург. Двенадцатилетний Илья, самый старший из детей Григория Николаевича Теплова, слыл своенравным, живым и вспыльчивым юношей. Даша, обладающая мягким нравом, опасалась его и в то же время хотела подружиться со старшим братом. Но он смотрел на нее как на надоедливую младшую сестру и почти не разговаривал, так же, как и со своей родной сестрой Лизой, считая общество девочек скучным и неинтересным.

В следующую секунду Илья вдруг встал с места и, что-то бурча себе под нос, устремился к выходу. Дашенька вжалась в портьеру, полностью скрывшись в широких складках зеленой плотной материи так, чтобы юноша не заметил ее. Высокая худощавая фигура мальчика уже через миг стремительно пронеслась мимо девочки, он не заметил ее. Стуча каблуками, Илья направился в сторону гостиных.

Любопытство Даши было так велико, что, едва юноша скрылся из виду, девочка проворно направилась к столику, за которым только что сидел Илья. Приблизившись, она невольно опешила от чудесной вещи, которая предстала перед ее взором. На столе находился великолепный резной макет трехмачтового фрегата, с парусами, кормой и миниатюрными окнами по бортам. Искусно вырезанные реи, окна, лестницы и капитанский штурвал, показались Дашеньке до того красивыми, что она восхищенно замерла над кораблем. Протянув руку к изысканному деревянному творению, Даша осторожно прикоснулась пальчиками к маленьким пушкам, которые также были вырезаны из дерева и стояли по бортам корабля на палубе. Даже две миниатюрные фигурки моряков красовались на мачте и корме резного красавца-корабля, и девочка тихо прошептала:

– Какой ладный!

Вдруг в головке девочки возникла мысль. А может ли плавать этот фрегат? И Даша, не думая о том, что Илья, возможно, будет недоволен тем, что она трогает его корабль, обхватила тонкими ладонями фрегат с двух сторон и приподняла его. Макет оказался довольно тяжелым, но Даша, вся в своих мечтах, даже не почувствовала этого. Имитируя ручками движения плывущего корабля, она чуть отошла от столика и начала раскачивать вниз и вверх деревянный чудесный макет, представляя, как будто корабль плывет по волнам. Моряк на верхней палубе вдруг упал, а пушки покатались по

корме.

– Дарья! – неожиданно сбоку от девочки издалека раздался громкий окрик Ильи.

Даша, опешив и сжавшись от страха, невольно расслабила ручки, и великолепный корабль полетел вниз на ковер. Девочка испуганно ахнула, когда деревянный фрегат со всей силы рухнул на пол, сильно стукнувшись носом.

Илья уже был рядом и тут же склонился над своим детищем. Даша попятилась, понимая, что сейчас ей влетит за то, что она посмела взять без спроса его вещь. Ошалевшими глазами она увидела, как юноша бережно поднял разбитый корабль, у которого одна из мачт была переломана пополам, а вся носовая часть с прекрасной фигуркой богини впереди разбита до деревянных острых обломков. Стиснув худенькие ладони, Даша, трепеща от ужаса, смотрела, как Илья перебирает дрожащими руками острые деревянные обломки кормы. Уже в следующий миг юноша выпрямился и, притиснув к своей груди сломанный корабль, обернулся.

Гневный темный взор Ильи просто раздавил ее своей силой, и он закричал:

– Ах ты, вредная девчонка! Кто позволил тебе трогать мой фрегат?!

– Илья, я не хотела, – пролепетала Даша, чуть пятясь от него.

– Мерзкая обезьянка! Ты все сломала! – выплюнул он оскорбление и с ненавистью посмотрел в большие синие гла-

за девочки. Даша увидела, как глаза юноши заблестели от слез. И он, не в силах сдержать свой гнев, в следующий момент свободой рукой сильно ударил девочку по ладоням. – За это тебя надо выпороть розгами по рукам, чтобы неповадно было трогать чужие вещи!

Даша притиснула красные ладони к губам, чувствуя, как они болезненно горят от его сильного удара, на ее глаза навернулись слезы.

– Прости меня, Илья. Я... – попыталась пролепетать она.

– Убирайся прочь! И только попробуй еще раз что-то взять! – выпалил Илья так зло и угрожающе, что Дашенька поджала губки и, глотая слезы обиды, бегом устремилась прочь из библиотеки.

Уже через пару минут Даша влетела в теплую яркую гостиную, где пили чай ее родители и дядя с тетей. В слезах, испуганная и трепещущая девочка немедленно уткнулась влажным личиком в ладони матушки Екатерины Федоровны и сильнее заплакала.

– Дашенька, что случилось? – спросила ее мать и, приподнимая головку девочки, с любовью заглянула в ее влажные глаза.

– Милая, на тебе лица нет! – воскликнула Марья Ивановна, тетя Даши, которая сидела рядом. – Отчего ты плачешь?

– Вы с Лизой повздорили? – спросила Екатерина Федоровна.

Даша отрицательно замотала головой и, всхлипывая, про-

лепетала:

– Илья, он... он... – она не смогла сразу выговорить, заикаясь от слез, и выдохнула: – Он обозвал меня мерзкой обезьянкой и больно ударил по рукам.

– Что? – тут же вмешался в разговор Григорий Николаевич, дядя Даши и отец Ильи. – Это что еще за самоуправство в моем доме?! Платон! – обратился тотчас Теплов к одному из слуг, что поправлял дрова в камине. – Немедля позови ко мне Илью Григорьевича.

Слуга понятиливо кивнул и проворно вышел исполнять поручение барина. Екатерина Федоровна, обняв Дашеньку, начала гладить ее по светловолосой головке и утешать. Девочка успокоилась, и к тому моменту, когда в гостиной появился хмурый Илья, на бледном личике Даши остались лишь следы слез.

– Илья, расскажи-ка мне, как ты посмел сестрицу обозвать, да еще хуже, ударить ее?! – тут же накинулся на сына Григорий Николаевич, вперив на юношу негодующий взор. Илья, который остановился рядом с отцом, неподалеку от женщин и Даши, которая боязливо жалась к матери, метнул убийственный взор на девочку и вновь открыто посмотрел на отца.

– Она без спросу взяла мой фрегат и разбила его! – выпалил юноша гневно.

– И что же? – строго заметил Григорий Николаевич. – Это не повод говорить гадкие слова сестре.

– Но отец! Я мастерил его почти полгода! – произнес уже глуше Илья, недовольно исподлобья смотря на отца. – Каждый день сидел с ним. А она, криворукая, схватила его и уронила!

– Илья! – взорвался Григорий Николаевич, и все невольно обернули к нему взоры. Ибо Теплов имел тихий спокойный нрав и выходил из себя крайне редко. – Разбитый корабль не дает тебе права бить сестру! Как ты посмел?!

– Илюша, как же можно, – укоризненно произнесла Марья Ивановна и строго посмотрела на сына.

Илья не по-доброму оскалился и сжал кулак. На его лице отчетливо виднелись непокорство и злость.

– Григорий, – тут уже вмешался Сергей Николаевич Теплов, отец Даши. – Илья не так уж и виноват. Дашенька, она непоседа, постоянно везде лезет, – он бросил любовный взгляд на дочь, которая уже сидела на диванчике между матерью и теткой и как-то испугано смотрела на всех. – Я думаю, вина Ильи невелика. Не надо ей было брать корабль.

– Сергей, позволь я сам! – заметил Григорий Николаевич. И вновь обратив взор на сына, строго велел: – Илья, ты немедленно извинишься перед сестрицей!

– Я не буду, она сама виновата, – пробубнил себе под нос юноша.

– Как?! – выпалил гневно Григорий Николаевич. – Я сказал, немедленно извинись, а не то!

Сжав кулак до боли, Илья недовольно посмотрел на отца

и лишь через минуту обернулся к женщинам и Даше. Он видел, что девочка смотрит на него внимательными, несчастными, влажными от слез глазами. Большие, невероятного синего цвета, с пушистыми темными ресницами глаза девочки в этот миг выражали покорность и нежность. И Илья тут же осознал, что опять эта гадкая девчонка своими завораживающими очами и хорошеньким личиком обаяла всех и разжалобила. Оттого все, и даже его родители, встали на ее сторону. А он вместо пострадавшей стороны, выглядел в их глазах каким-то жутким злым старшим братом.

Даша отчетливо видела дикую злость и обиду в ярких акамариновых глазах юноши и сжалась под его угнетающим взглядом, но все же прямой взор от его лица не отвела. В следующий момент девочка отчетливо разглядела ненависть, написанную на его лице, и похолодела.

– Илья, я жду! – уже угрожающе заметил Григорий Николаевич.

– Извини меня, Дарья, – сквозь зубы процедил Илья. Юноша знал, что, если бы они были сейчас с девочкой одни в гостинной, он бы ей показал, как жаловаться и выставить его перед всеми в дурном свете. Ведь Илья прекрасно понимал, что она во всем виновата, и по рукам получила заслуженно.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Теплов. – И впредь не смей поднимать руку на сестер, иначе будешь наказан.

– Теперь я могу идти? – колко спросил юноша, вновь переводя взор на отца.

– Иди, – кивнул Григорий Николаевич.

Илья вихрем вылетел из гостиной, ощущая, что готов еще раз вlepить затрещину этой смазливой изворотливой девочке, которая унизила его перед всеми.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Дикарка

Глава I. Купала

Санкт-Петербург, особняк Тепловых на Фонтанке,
1765 год, март

Даша осторожно раскрыла музыкальную шкатулку, и оттуда полилась тихая прекрасная мелодия. Маленькая ажурная танцовщица, что находилась внутри, закружилась на одной ножке. Девочка заворожено смотрела на движения маленькой статуэтки-танцовщицы и на ее глазах непроизвольно выступили слезы.

Вот уже почти год она жила в доме дяди Григория Николаевича. С той поры, как ее отец тронулся рассудком, жена ее дяди, Марья Ивановна, настояла на том, чтобы маленькая Даша жила вместе с ними под ее присмотром.

Еще год назад, в том веселом декабре, когда шестилетняя Даша на святки гостила в этом помпезном особняке, она даже не представляла, что жизнь ее изменится до неузнаваемости. Тогда на святки девочка была счастлива, рада и спокойна. Ведь рядом были ее родители. Ласковая матушка и строгий, но любящий отец. Но потом, следующей весной, все

изменилось. В апреле месяце у матери Даши, Екатерины Федоровны, начались схватки, и все с нетерпением ждали на свет наследника. Но случилась трагедия. Екатерина Теплова, протомучившись трое суток, не смогла разрешиться от бремени и умерла от потери крови. Ко всеобщему горю умер и малыш, который задохнулся в утробе матери.

После этого отец Даши, Сергей Николаевич, который обожал свою молодую жену, лишился рассудка, превратившись в безумца. Первые дни после смерти жены Екатерины он до того вышел из себя, что его пришлось даже связать. В столицу срочно послали гонца. И уже спустя сутки, не останавливаясь ни на минуту, в Москву приехали Григорий Николаевич и его жена Марья Ивановна. Они застали Сергея Николаевича в диком помутнении рассудка. Он все время то кричал, изрыгая проклятья, то плакал, как младенец, рвал на себе волосы и корил себя за то, что не смог спасти горячо любимую Катеньку. Ни строгий разговор со старшим братом Григорием, ни задушевная беседа с доброй Марьей Ивановной не возымели никакого действия на Сергея Николаевича. Единственное, чего удалось добиться, – это некоторого облегчения, Сергей Николаевич перестал крушить мебель и начал принимать успокоительные средства, которые прописал ему от нервов лекарь-немец.

С маленькой Дашей тоже было не все в порядке. Поначалу крепостные, служащие в доме, чтобы не травмировать малышку, скрыли от девочки смерть матери. Но спустя два

дня Даша тайком пробралась в спальню матери, в которую ей строго-настрого запретила заходить няня, и увидела мать в гробу. Екатерину Федоровну в тот момент обмывали, готовя к погребению. Девочка в ужасе поняла все и, залившись горькими слезами, убежала из усадьбы. После почти суток Дашеньку искали все крепостные и крестьяне по окрестностям.

Нашли ее только утром следующего дня в ельнике у реки, замерзшую и грязную. Принеся домой, маленькую Дашу попарили в бане, чтобы девочка не заболела, а потом по велению ее няни вызвали лекаря, который также выписал девочке успокоительные капли. Даша не разговаривала ни с кем и не реагировала ни на кого. Тетушка Марья по приезде в Москву, увидев племянницу, опешила от перемен, произошедших с девочкой. Из живого, непосредственного, веселого ребенка, каким она помнила Дашеньку, девочка превратилась в печальную, отрешенную постоянно плачущую малышку. Марья Ивановна даже тайком всплакнула, жалея бедняжку. Все два дня, пока они с мужем находились в доме Сергея Николаевича, Марья Ивановна ни на шаг не отходила от девочки, лаская ее и убаюкивая словно родная мать.

Видя весь ужас, царивший в доме деверя, Теплова настояла на том, чтобы забрать малышку с собой в столицу. Ибо отец ее Сергей из-за своего неменяемого нервного состояния был не в состоянии присматривать за девочкой, а крепостным Марья Ивановна не могла доверить воспитание

племянницы. Григорий Николаевич согласился с женой и уже через три дня Тепловы увезли маленькую Дашу в Петербург. Оставив Сергея Николаевича заботам лекаря и крепостных.

С той весны Дашенька поселилась в богатом особняке Тепловых на Фонтанке. Огромный дом дяди по сравнению с небольшим уютным родительским особняком в Москве поначалу казался девочке целым необъятным миром. Но спустя несколько недель, когда Даша облазила все лестницы, гостиные и потайные комнатки большого трехэтажного помпезного особняка с несколькими дюжинами барских комнат, она осознала, что дом дяди не такой уж таинственный и необычный. Девочке выделили собственную спальню рядом с комнатой Лизы. А няня Лизы и Оленьки, ее двоюродных сестер, стала приглядывать и за ней.

Тетушка Марья, как называла ее девочка, была очень ласкова с Дашей. И порой проводила с племянницей даже больше времени, чем со своей двухлетней малышкой Оленькой. Внимание и любовь Марьи Ивановны не прошли даром, и уже через месяц Даша вновь начала говорить и почти перестала плакать. Лишь нрав девочки стал более спокойным и тихим. Даша знала, что живет в чужом доме и должна вести себя хорошо. Всем своим существом девочка стремилась во всем слушаться любимую тетушку. Она постоянно крутилась возле Марьи Ивановны и ластилась, словно боялась потерять и ее. Но непосредственный бойкий страстный нрав

Даши требовал выхода. Иногда девочка, выпросив позволения у тетушки, убегала гулять на двор и по нескольку часов подряд играла с дворовыми детьми.

Спустя несколько месяцев, в прошлом сентябре, от сердечных переживаний скончался в Москве ее отец, Сергей Николаевич. Тетушка Марья очень осторожно сказала об этом девочке и спросила, не хочет ли Даша поехать на похороны отца? Та на минуту нахмурилась, и Марья Ивановна вмиг обеспокоилась о том, как бы у девочки вновь не случилась болезнь. Но этого не произошло. Даша тихо ответила:

– Я не поеду, тетушка. Я хочу запомнить отца живым...

Марья Ивановна понятливо кивнула и, поцеловав племянницу в лоб, пообещала, что привезет из дома отца какую-нибудь вещицу, принадлежащую некогда Екатерине Федоровне, чтобы Даша могла хранить память о покойной матушке.

Именно эту шкатулку ее покойной матери, привезла Марья Ивановна из Москвы. Даша, часто слушала мелодию, которая звучала, стоило лишь поднять крышку. В эти моменты девочка представляла, как с небес на нее смотрит добрая матушка и видит ее. Так учила ее тетушка.

В тот день Лиза и Даша играли в детской с самого утра. Лиза занималась своей новой фарфоровой куклой, которую ей подарили на прошедшие именины. Но в какой-то момент она подошла к Даше, сидящей в стороне, на маленьком диванчике, и капризно попросила:

– Даша, дай мне посмотреть шкатулку!

Испуганно вскинув на двоюродную сестру большие глаза, Дашенька отрицательно покачала головой. Высокая бледная Лиза, которой исполнилось уже десять лет, имела внимательные серые глаза и узкие губы. Даша знала, что старшая сестра не любит ее, и старалась не раздражать ее, хотя всеми силами пыталась подружиться с Лизой. Но сейчас даже в угоду старшей сестре Даша не могла пожертвовать такой ценной вещью, как шкатулка матери.

– Я не могу тебе дать, Лизонька. А если ты сломаешь? – тихо объяснила свой отказ Дашенька. – Что мне тогда останется? – добавила уже просяще девочка, а про себя добавила: «...от покойной матушки».

Но избалованная Лиза ничего не желала понимать. Она топнула ножкой и воскликнула:

– Ну и ладно! Я тебе тоже ничего не дам!

– И не надо, – тихо ответила Даша и отвернулась от пухлой Лизы, вновь занявшись своей шкатулкой. Маленькие серые глаза Лизы сузились от злости, и она, подпрыгнув к Даше, стремительно выхватила шкатулку из тонких рук сестры. Со шкатулкой в руках Лиза побежала от Даши прочь.

– Лиза отдай! Лиза! – закричала в ужасе Даша, погнавшись за сестрой по комнате.

Лиза прямо ногами в туфельках запрыгнула на стул, а затем на резной широкий стол и подняла шкатулку как можно выше.

– Вот теперь ты точно не забереешь! – со злорадством за-

верещала Лиза, довольно ухмыляясь.

Дашенька замерла рядом со столом. Она осознавала, что не может, как Лиза, которой все позволялось, вот так нагло запрыгнуть в туфельках на стол. Ведь это было недозволено. И тетушка Марья могла разгневаться. Оттого не в силах дотянуться до сестры и понимая, что не может забрать у нее драгоценную вещицу, Даша едва не расплакалась. Но тут в ее голову пришла одна мысль. Она отошла от Лизы, которая так и стояла в туфлях на ажурном столике, и приблизилась к месту, где ранее сидела сестра.

Проворно схватив дорогую фарфоровую куклу Лизы в руки, Даша громко сказала:

– Лиза, тогда я возьму твою куклу!

– Ну и бери, я уже ей наигралась! – запальчиво сказала Лиза и злорадно рассмеялась. Восемилетняя Дашенька сильнее нахмурилась и решила.

– А если я ее разобью об пол? – пригрозила она, осознавая, что шкатулка матери стоила того, чтобы не просто разбить куклу сестры и навсегда поссориться с ней, а если надо, она могла и подраться с этой наглой, своевольной девчонкой.

– Ах ты, гадкая мартышка! – завопила Лиза и немедля ловко спрыгнула со стола.

Дашенька попятилась от сестры к двери, держа куклу на весу, высоко задрав ручки вверх и показывая, что в любой момент может кинуть куклу на пол.

– Поставь шкатулку на стол, Лиза, а я отдам тебе кук-

лу, – поставила ультиматум Дашенька. Она уперлась спиной в дверной косяк. В этот момент послышались приближающиеся шаги, и дверь в детскую отворилась.

– Что здесь происходит? – раздался голос юноши за спиной Даши. Увидев старшего брата, Лиза заверещала:

– Илья, она взяла мою куклу! Забери ее у нее!

– Дарья, ты зачем это сделала? – накинулся на Дашу Илья и попытался отобрать куклу из рук девочки.

Даша попыталась отбежать от него, но четырнадцатилетний Илья тут же среагировал и быстро бесцеремонно схватил двоюродную сестру за талию, притянув к себе. Худощавый Илья был гораздо выше и сильнее хрупкой Даши. Оттого ему не составило труда выхватить куклу из рук девочки. Лиза уже была рядом. Даша краем глаза увидела, что шкапулка матери стоит на столе. Илья передал одной рукой куклу Лизе, а второй все так же удерживал Дашу за талию, чтобы девочка не кинулась к сестре. Лиза же, получив куклу, заголосила и выбежала вон из детской, окликая Марию Ивановну, видимо, для того, чтобы наябедничать на Дашу.

Едва она исчезла за дверью, Даша с силой толкнула брата в грудь и сердито произнесла:

– Пусти!

– Да нужна ты больно! – выпалил юноша и отпустил девочку из капкана своих рук. Однако он не отошел от Даши и с вызовом заметил: – И больше не смей забирать игрушки у Лизы, ты поняла?

Он приблизился к Даше и как-то угрожающе навис над девочкой. Та вжалась в стенку спиной и затравлено посмотрела в недовольное красивое лицо брата. Глаза юноши невероятного аквамаринового цвета горели недовольством и вызовом, а его губы были поджаты.

– Лиза первая забрала у меня шкатулку матушки, – попыталась оправдаться Дашенька. Но Илья ухмыльнулся и цинично заметил:

– Она у себя дома, а ты всего лишь в гостях, так знай свое место! Поняла? – Он устремил на нее запугивающий взгляд, желая только одного – показать этой наглой выскочке, с которой так возилась его мать, ее место. – Ты живешь из милости в этом доме и должна понимать это!

С каждым словом двоюродного брата Даша все сильнее сжималась от боли и обиды. Только Илья мог позволить себе говорить ей подобные обидные слова. Ведь ни дядя ее, ни тетя никогда не позволяли упрекать ее ни в чем. Наоборот, и Григорий Николаевич, и Марья Ивановна делали все, чтобы Дашенька не чувствовала себя чужой в их доме. Но Илья не любил ее, и она прекрасно это знала.

Он уже не раз говорил ей гадости наедине и специально пытался задеть словами побольнее. И Даша предполагала, что юноша возненавидел ее с того дня, когда она разбила его фрегат, а Григорий Николаевич заставил Илью извиняться перед ней. Тогда она отчетливо заметила гнев и обиду в ярких глазах юноши, а теперь, когда она поселилась в их доме,

Илья делал все, чтобы задеть ее словами или унижить. И сейчас поводом для нападения стала кукла Лизы. Даша безумно хотела возразить ему, но не смела. Так как однажды, еще по приезду в особняк дяди, она пыталась доказать свою правоту Илье. В тот раз во время перепалки юноша больно схватил девочку за плечо и сказал, что в следующий раз треснет ей сильнее, если она не уразумет, где ее место в этом доме.

Потому в этот миг Дашенька молчала, глотая горькую обиду. Поджав пухлые губки, она смотрела на него немигающим напряженным взглядом, опасаясь буйного нрава Ильи.

Запал юноши начал понемногу стихать, он внимательно изучал округлое тонкое лицо девочки, и в какой-то момент взгляд его застыл на ее огромных лучезарных очах. Бездонные озера яркого синего цвета приковали взгляд юноши, и в следующий миг от его недовольства не осталось и следа. Взор Даши, трогательный, наивный, прелестный и чудный, завораживал и простил о любви и теплоте. Вдруг в душе Ильи поднялось странное желание не обидеть, а защитить девочку ото всех, укрыть ее, а в ответ увидеть в ее глазах радость. Юноша замер, не в силах отстраниться от нее, и отрицательно качал головой, словно говоря себе, что он совсем не хочет защищать Дашу. Но его существо требовало другого: утешить девочку, ласково погладить ее по голове и сказать, что он ее старший брат и не даст ее в обиду.

От непонятого волнения, а еще более от своих неподвластных разуму желаний Илья напрягся и невольно выпря-

мился. Дернувшись с места, юноша почти отскочил от девочки и, громко стуча каблуками, выбежал из детской.

После стремительного ухода озлобленного брата, Даша подбежала к шкатулке и, открыв ее, с облегчением удостоверилась, что та не сломана. Девочка прижала драгоценную вещь к своей худенькой груди и поспешила в свою комнату.

Все перепалки между детьми окончились в тот день, когда Илью отправили на учебу в Императорский сухопутный кадетский корпус, который находился в пригороде столицы. Это произошло зимой 1767 года, после нового года, когда Илье исполнилось полных шестнадцать лет. Третировать Дашу стало некому, и девочка вздохнула в доме дяди свободнее. Даже Лиза, которая при поддержке старшего брата часто доводила Дашу до слез, теперь как-то притихла и перестала яро выражать свою неприязнь к младшей сестре. Даша и Лиза держали молчаливый нейтралитет и общались только при Марье Ивановне, чтобы угодить ей. Даша чаще играла в детской с маленькой Оленькой, которая была младше ее на пять лет, или же бегала с дворовыми детьми на улице.

Тринадцатилетний Владимир, второй сын Григория Николаевича, мало времени проводил с девочками, пропадая все дни напролет в конюшне с лошадьми или со своим камердинером в фехтовальной зале. Володя бредил армией и мечтал, как и старший брат, через три года поступить на учебу в кадетский корпус. К Даше он относился спокойно, ров-

но, с уважением, так же, как и к другим своим сестрам. За ужином Владимир мог пошутить, пододвинуть стул за девочками и мило поддержать общую беседу. Но он никогда не играл с сестрами, считая их забавы неинтересными и скучными. Иногда, когда вся семья собиралась после ужина в гостиной, Володя читал сестрам большой атлас, подаренный ему на именины матушкой, и показывал девочкам на карте диковинные страны и моря, где бы он хотел в будущем побывать.

Жизнь Даши в доме дяди текла размеренно, спокойно и тихо. Марья Ивановна не любительница шумных увеселений редко устраивала в своем доме праздники и приемы. Лишь по круглым датам, таким, как совершеннолетие детей и годовщины их с мужем именин, в помпезном особняке Тепловых давались грандиозные балы, куда созывался весь цвет Петербургского дворянства.

Все свое время Теплова занималась детьми, уделяя повышенное внимание музыкальным и танцевальным занятиям девочек, а также наукам, которыми занимался с гувернерами Володя. Лиза и Даша тоже учились – арифметике, истории, французскому и немецкому языкам и этикету. Другие науки, по мнению Марьи Ивановны, не были нужны девочкам. Ибо по ее мнению, главная цель жизни девушек-дворянок состояла в том, чтобы удачно выйти замуж и родить мужу побольше детей, воспитав из них достойных членов изысканного общества. Володя же как будущий хозяин семейства по настоянию Марьи Ивановны дополнительно к наукам, кото-

рые изучали девочки, еще занимался риторикой, географией, астрономией, правом и геральдикой.

Каждое лето с мая месяца, едва устанавливалась хорошая погода, Марья Ивановна с детьми отправлялась в свое загородное имение, которое располагалось между Петербургом и Новгородом. И обитала там с детьми до конца сентября, пока не начинались затяжные осенние дожди. Раз в месяц в летнее время на неделю к ним «в деревню», так по-простому называла имение Марья Ивановна, приезжал Григорий Николаевич. Глава дома с удовольствием ходил на рыбалку с Володей, а с девочками ездил верхом по своим угодьям на тридцать верст, показывая и рассказывая им о быте крестьян, что жили в окрестностях усадьбы в пяти больших деревнях, принадлежащих Тепловым.

Даша не видела Илью несколько лет к ряду. Юноша не показывался в Петербурге зимой, так как с учебы в кадетском корпусе его не отпускали. А двухмесячные летние каникулы длились всего с июля по август месяц. Не любитель сельской жизни, Илья все свое свободное летнее время безвылазно проводил в Петербурге со своими друзьями по кадетскому корпусу на балах, раутах, охотах, в кабаках и шумных оргиях. Григорий Николаевич пытался влиять на поведение старшего сына, но все было бесполезно. Буйный, беспокойный, вспыльчивый нрав Ильи требовал действия. Марья Ивановна, будучи мудрой женщиной, успокаивала мужа, говоря, что Илья еще очень молод и должен нагуляться, чтобы потом в

семейной жизни дорожить спокойствием дома и уединением со своими родными.

В 1769 году Россия начала войну с Турцией за Крымские земли и за выход к Черному морю. Уже летом того же года Тепловы получили нерадостную весть о том, что офицер Илья Теплов в числе первых попросился на войну и был откомандирован со своим полком на юг страны для участия в сражениях. Марья Ивановна целую неделю печалилась по этому поводу. А Лиза и Даша не знали, как ее утешить. Спустя несколько дней Марья Ивановна вышла к ужину в темном платье и заявила:

– Такова Божья воля. Мой сын военный. И его долг воевать на благо нашего государства. Если суждено, он погибнет, а если нет, получит награду. Я приму любую волю Вышнего.

На этом и порешили. Разговоры на тему Ильи стали запрещенными в доме Тепловых. О нем почти не упоминали. Лишь изредка, когда Григорий Николаевич читал в утренних газетах о войне с турками перед завтраком, вся семья молча, с трагическим выражением лиц выслушивала новости, озвучиваемые главой семейства, и по окончании их Марья Ивановна говорила:

– Все в руках Бога, будем уповать на его милость.

Деревня Дмитровка, усадьба Тепловых,
1771 год, июнь

В то утро Дашенька проснулась с петухами. Предвкушение вечернего праздника Купалы на реке Соснинке вызвало на лице девушки радостную улыбку, и она, сладко потянувшись, выпорхнула из постели. Предстояло много дел. Надо было послать горничную Анюту в соседнее Волхово забрать сшитые к сегодняшнему дню сарафаны на деревенский манер для нее и Оленьки. Затем Даше полагалось помочь Марье Ивановне с розарием в оранжерее, а после обеда она обещала дяде разобрать бумаги и письма. У Григория Николаевича к старости появилась сильная близорукость, и он не мог сам написать ни слова. А так как в их семействе Даша отличалась весьма красивым каллиграфическим почерком, она часто помогала дяде писать письма по его надобностям. К вечеру девушка собиралась поучиться у кухарки Миланьи готовить земляничное варенье, а в десять лечь спать под присмотром тети.

Уже ближе к полуночи, часов в одиннадцать, Даша тайком намеревалась вылезти в окно из своей маленькой спальни, что располагалась на первом этаже дома. А затем, тихо подойдя к окну комнаты Оленьки, помочь младшей сестрице тоже выбраться наружу. После девушкам, уже наряженным в деревенскую одежду, предстояло около версты бежать до соседней деревни и спуститься к реке, где к тому времени уже будет полно крестьян из всех окрестных деревень. Из рассказов Анюты Даша прекрасно знала, что сегодняшней

Купальной ночью деревенские девицы и парни будут у реки водить хороводы, жечь высокие костры и пускать венки по реке, загадывая желания.

Почти год она мечтала об этом празднестве. Ведь в прошлый год Даша не смогла пойти на него, так как у нее не было подходящего деревенского наряда. Но теперь, едва приехав в июне в деревню, она через дворовых слуг нашла одну крепостную швею в селе Волхово, которая обещала за две недели сшить им с Оленькой по сарафану и русской рубашке.

В предвкушении предстоящего ночного гуляния, о котором никто из домочадцев, кроме Оленьки, которая была с ней в сговоре, не знал, Даша быстро умылась прохладной водой. Она расчесала свои густые светлые волосы и заплела их в длинную косу. Обернув ее вокруг головы, умело спрятала концы локонов под плетение на затылке и заколола шпильками получившуюся прическу. Полюбовавшись светлой косой, которая опоясывала небольшую голову словно корона,

Даша натянула на себя тонкую рубашечку и легкий корсет. Простое летнее хлопковое платье нежного травянистого оттенка, без украшений, с глухим воротничком, который скруглялся у горла, довершило ее образ. Это был один из любимых Дашиных нарядов – удобный, со вшитой нижней юбкой, позволяющей избавиться от дополнительной тяжести, что в жару было весьма приятно. Надев на ноги светлые туфельки, довольно потоптанные, но удобные, девушка выпорхнула из своей спальни и поспешила на кухню, надеясь

застать там горничную Анюту, которая по утрам пила чай с Акулиной.

Солнце уже поднялось из-за леса, а птицы вовсю выводили свои трели в лесу, когда Даша около семи часов вышла на крыльцо, отдавая горничной последние наставления.

– Ты поняла, куда идти, Анюта? – спросила ласково Даша семнадцатилетнюю горничную с длинной черной косой и с живыми карими глазами.

– Поняла, барышня, – кивнула Аня. – Прямо через березовую рощу, далее по дороге полверсты, а там и деревня в низине видна будет.

– Верно, четвертая изба от дома старосты, такая вся резная. Муж у Параши – мастер по дереву, оттого и изба у них самая красивая.

– Да уразумела я уже, барышня, не беспокойтесь, – сказала, улыбаясь, Анюта. Громко заквакали лягушки около небольшого прудика у дома.

– И прошу, проверь, чтобы, кроме рубашек, и платочки на голову были, – добавила Даша.

– А лапоточки вы, Дарья Сергеевна, заказывали у нее? – поинтересовалась вдруг Анюта.

– Лапоточки? – опешила Даша. – Я и забыла про них. А теперь уж, наверное, поздно сделать. Ну ничего, в туфлях пойдем с Оленькой.

– Как же вы в своих туфельках по лесу пойдете? Ваши тряпичные туфли вмиг порвутся. Да и если увидит их кто,

враз смекнет, что вы барышни.

– А может, босиком?

Анюта от души рассмеялась. Даша нахмурилась.

– Ну, барышня, насмешили! – заметила Анюта. – Вы же с Ольгой Григорьевной далее опушки той не уйдете босые. Ножки-то у вас нежные.

– А что же тогда делать? – удручено спросила Даша. – Анюта, что делать, скажи?

Вдруг со стороны дороги донесся звонкий стук лошадиных копыт.

– Кто-то скачет, – заметила Анюта, и обе девушки невольно обернулись в сторону парадной дорожки, что вела к дому, и замерли, вглядываясь в темный силуэт всадника, стремительно приближающегося к дому. – И кто это в такую-то рань?

Мощный наездник в военной форме офицера уже через миг резко осадил гнедого жеребца у крыльца и проворно спрыгнул на дорожку. Тотчас к нему побежал дворовый парнишка Егорка и, кланяясь, забрал коня, а военный быстрым шагом направился к крыльцу. Это был молодой человек в коротком кафтане из темно-зеленого сукна, с красными лацканами и обшлагами, в белом парике с косичкой, в темно-зеленой треуголке с белыми перьями и вышивкой, в красных рейтузах и высоких кожаных сапогах. Гвардеец вызвал неподдельное удивление у девушек. Лишь когда мужчина поднялся по лестнице на крыльцо, где стояли Даша и

Анюта, девушки наконец признали в этом высоком военном с отменной выправкой и циничной ухмылкой на лице Илью Теплова.

Даша слегка опешила и как-то вся сжалась. Тут же в ее сознание ворвались давние воспоминания. Придирки старшего брата, оскорбления и его неприязнь к ней. Илья приблизился к девушкам на минимальное расстояние и окинул их взглядом.

Похолодев, Даша смотрела на брата и не шевелилась. За те четыре года, как она не видела Илью, он возмужал и окреп в плечах. Выражение его лица изменилось. Из мальчишеского задорного и беспокойного, оно стало властным, волевым, циничным и надменным.

– Ба! Дак это наша Дарья! А я-то подумал, горничные сплетничают на крыльце, – проклокотал громко Теплов, остановившись в двух шагах от девушек и заинтересованным взглядом обводя сестру.

– Здравия вам, Илья Григорьевич! – сразу же поклонилась Анюта. – Не ждали мы вас! Хоть бы весточку прислали, что прибудете.

Илья проигнорировал льстивые слова горничной, даже не взглянув на крепостную, и прошелся цепким взглядом по стройной фигурке двоюродной сестры. Простенькое платье из зеленоватой плотной кисеи с глухим воротничком простого покроя отчетливо обрисовывало ее тонкий изящный стан, небольшую грудь, осиную талию и чуть покатые бедра. Если

бы Илья не знал, что перед ним сестра, в этом наряде принял бы Дашу за гувернантку или служанку богатой госпожи. Илья отметил, что за эти годы девушка вытянулась и подросла. Ее светлые волосы, обернутые толстой косой вокруг головы, переливались в утренних лучах восходящего солнца, а кожа ее казалось почти прозрачной. Небольшие серебряные сережки поблескивали в ее ушах, являясь единственным украшением девушки.

Даша, будто окаменев, вперила в него свои синие огромные глазищи с темными ресницами и, словно испуганный зверек, не моргая, смотрела на него. Илья немного смутился от ее пронзительного взора и отметил про себя, что в своих воспоминаниях он представлял ее глаза гораздо меньшего размера, чем видел сейчас перед собой. Но его заминка длилась не более минуты. Как-то криво усмехнувшись, молодой человек недовольно произнес:

– Ты что, сестрица, онемела за последние четыре года? Что молчишь-то?

Она невольно вздрогнула от его слов и сглотнула комок в горле, поняв, что за эти годы отношение к ней Теплова несколько не поменялось.

– Здравствуйте, братец, – вымолвила тихо Даша и опустила глаза.

– Смотри-ка, ты научилась говорить мне «вы». Ну что ж, так далее и обращайся ко мне. А еще лучше Илья Григорьевич. Уразумела? – добавил Илья холодновато, не спуская

заинтересованного взора с ее прелестного лица. Она вновь подняла на него глаза, и лишь на миг Илье показалась, что он увидел в ее синих очах непокорство, но тут же ее взгляд стал мягким и услужливым.

– Как вам будет угодно, братец, – тихо вымолвила Даша.

– А что отец-то, еще не встал? – спросил Илья.

– Нет, дядюшка обычно к восьми поднимается, – заметила Даша, вновь опуская взор и нервно теребя юбку. Илья как-то странно пронзительно посмотрел на нее и хмыкнул:

– А тебе чего не спится? Не думал, что Петербургские барышни в такую рань поднимаются.

– Я в Москве родилась, насколько вы помните, Илья Григорьевич, – заметила Даша.

И Илья, оценив ее колкость, чуть прищурился. Нет, она совсем не тихоня, отметил Теплов. И характер, который она показывала с детства, теперь просто был умело запрятан под ангельскую добродетельную оболочку. Илья вновь криво усмехнулся, и его надменный запал мгновенно растаял. Он сделал шаг к сестре и приобнял хрупкие плечики Даши, осторожно сжав их сильной рукой. Наклонившись к ее ушку, он примирительно добавил:

– Да будет тебе, Дарёна. Пошутил я насчет отчества. Илейей, как и прежде, зови, поняла, что ли?

Даша вскинула глаза на него лицо и приветливо улыбнулась.

– Хорошо, братец.

Взор молодого человека невзначай остановился на губах девушки, и Илья отметил, что ее губы прелестны и соблазнительны.

– То-то же, – улыбнулся он ей в ответ. – Ну, пойдем в дом, чаем меня напоишь, – велел Теплов и, наконец, отпустив хрупкие плечи сестры, важно направился внутрь. Даша нехотя последовала за ним, жестами показывая Анюте, которая так и стояла на крыльце чуть в стороне, чтобы та что-то придумала с лаптями на вечер.

Едва Илья и Даша вошли в гостиную, как за спиной молодых людей раздался глухой женский голос:

– Доброго утраца, Илья Григорьевич! Вот матушка-то обрадуется!

Молодые люди обернулись и увидели в дверях Акулину, горничную Марьи Ивановны, худую высокую бабу лет сорока в строгом темном платье.

– И тебе, Акулина Егоровна, доброго утра, – кивнул Илья холодновато.

– Вас, барышня, Марья Ивановна до завтрака просит зайти к ней, – добавила Акулина, внимательно посмотрев на девушку.

– Извини, Илья, я пойду, – тут же обрадовано воскликнула Даша и стремительно направилась в сторону правого крыла дома, словно боялась оставаться наедине с этим непредсказуемым Ильей, поведение которого постоянно приводило девушку то в смущение, то в негодование.

В связи с неожиданным приездом Ильи, утренняя уборка в оранжерее с розами отменилась. Вместо этого Даша, которая в деревне любила завтракать с горничными на кухне, а после гулять по утреннему саду, была вынуждена около двух часов терпеть длинное утреннее застолье со всеми домочадцами. Илья сидел рядом с отцом, а Марья Ивановна не сводила со старшего сына ласковых глаз и все восхищалась тем, как Илья возмужал. Лиза, как и обычно, проснулась поздно и опоздала на полчаса к завтраку, за что была отчитана отцом. В свои шестнадцать она уже носила платья по моде с большим вырезом и атласными бантами. Даже в деревне девушка украшала себя драгоценностями, которые дарила ей Марья Ивановна в последние два года.

Едва Лиза села за стол, быстро по-сестрински чмокнув приехавшего брата в щеку, как Илья, который, дослушав очередную хвалебную триаду матери в свой адрес, вдруг заметил:

– Уезжая, оставлял двух девчушек, что играли в куклы, а теперь вижу, что вы, сестрицы, и впрямь повзрослели.

Молодой человек вновь окинул оценивающим взглядом полноватую Лизу с завитыми локонами, украшенными бантами, в платье с таким низким декольте, что ему, как брату, захотелось натянуть повыше платье на ее пухлую грудь. Затем его взор переместился на девятилетнюю Оленьку, сидевшую напротив него в детском белом платье, которая с инте-

ресом и восхищением глядела на старшего брата. А после уже в который раз за трапезу взгляд Ильи остановился на Даше, которая сидела напротив, наискосок. Девушка все так же была одета в свое невозможно закрытое простецкое платье мещанки и весь завтрак избегала его взора, видимо, боялась смотреть в его сторону.

– А то как же, Илюша, – заметила Марья Ивановна. – Ведь четыре с лишним года минуло с тех пор, как ты видел сестриц. Лизоньке уже шестнадцать, да и Дашеньке пятнадцатый год идет, скоро уж совсем невесты будут.

– Только смотрю я и не понимаю, – продолжал Илья. – Одна разряжена в пух и прах, что аж все прелести наголо, а вторая укутана, как гувернантка какая. Вы что же, матушка, их как-то по-разному воспитываете, что ли?

– И отчего ты так решил, соколик? – опешила Теплова. – Я разрешаю девочкам одеваться как им по душе. Лизоньке нравятся наряжаться, что с того? Скоро ей на балы ездить, уже в следующем сезоне. Пусть пока учится в красивых платьях ходить. А Дашеньке рано еще по балам, да и скромная она очень, не любит, чтобы на нее все смотрели, как на Лизоньку, что ж из того?

– А может, у некоторых и показать нечего? Зачем им платья декольтированные носить? – тут же язвительно уколола Лиза.

Все прекрасно поняли, на кого намекала Лиза. Даша невольно сильнее распрямила худенькие плечики, как будто

пытаясь выставить вперед маленькую девичью грудь. Илья, метнув взор на Дашу, заметил ее движение. Пройдясь беглым взглядом по небольшой высокой груди девушки, молодой человек отметил про себя, что Даша еще слишком юна, чтобы у нее была грудь, как у Лизы, и наверняка ее прелести еще не выросли до нужного размера.

– Лизавета! – сразу же осек дочь Григорий Николаевич. – Нехорошо так говорить о сестре.

– Прости, батюшка, – промямлила Лиза и бросила недовольный взор на Дашу, которая даже в этом невзрачном платье казалась до того хорошенькой, что старшая девушка сердито поджала губки от зависти.

– Надолго ли ты приехал, Илюша? – спросила Марья Ивановна.

– На пару дней. С батюшкой переговорить об одном деле, – заметил Илья, переводя глаза на Григория Николаевича. – Затем обратно в столицу.

– Илюша, ты бы хоть побыл с нами до июля, – попросила брата Оленька.

– Не могу, сестрица. В Петербурге меня друзья заждались. Обещал через пару дней быть.

– Опять мне потом знакомые все уши прожужжат про ваши бесчинства, – раздраженно вздохнул Григорий Николаевич и строго посмотрел на сына.

– Отец, мы почти два года безвылазно в седле провели, – возразил тотчас Илья. – Все с турками без продыху бились.

Один бой за другим, а потом в полевом госпитале на больничной койке провалялся целую неделю в беспамятстве. Надоело все. Хоть пару месяцев могу я в свое увольнение отдохнуть с сослуживцами?

– Знаю я ваши «отдохнуть», – проворчал старый Теплов, хмурясь и мрачно глядя на сына. – Напиться до одурения да потасовку с кем-нибудь затеять, а еще девку какую...

– Григорий Николаевич! – громко перебила мужа Марья Ивановна, боясь, что Теплов закончит свою непристойную фразу. – Не надо при девочках. Потом наедине пожуришь его. – Она ласково улыбнулась Илье и предложила: – Ты, милый мой друг, после завтрака должен непременно нам все рассказать, про свою службу, про турок. И про ранение свое, а мы с девочками с удовольствием послушаем тебя в гостиной...

Вот уже битый час Даша стояла в гостиной как на иголках. И, чтобы уважить тетушку, была вынуждена терпеть рассказы и байки Ильи. Оленька и Лиза сидели тут же и с интересом слушали все эти кровавые жуткие истории молодого человека, которые, видимо, одной Даше были не по душе. Девушка любила все красивое, поэтичное, прекрасное, а эти кровавые рассказы с оторванными руками и ногами, про убитых и искалеченных солдат ей совершенно не нравились. К тому же уже должна была вернуться из деревни Анюта с их сарафанами. И Даше очень хотелось померить крестьян-

скую одежду и понять, в пору ли она придется им с Ольенькой. Еще девушка не знала, что делать с лаптями и где их взять теперь за полдня. Все эти мысли кружили в голове Даши, и она почти не слушала истории Ильи, который вальяжно сидел в кресле и, важно поглядывая на всех четырех женщин, театрально рассказывал о своих военных походах.

Даша не могла уйти из гостиной, так как боялась, что тетушка будет недовольна. Чтобы отделаться от гнетущих мыслей, она стояла у распахнутого окна, смотрела на зеленые кроны лип и напряженно вглядывалась вдаль, желая увидеть силуэт горничной Анюты, которая должна была прийти со стороны леса. В какой-то момент Илья вдруг заметил:

– Вижу, что нашей Дарье совсем не интересны мои рассказы.

Даша, которая слушала брата вполуха, не сразу осознала, что молодой человек говорит о ней. Лишь спустя минуту она обернулась и увидела, что все внимательно смотрят в ее сторону.

– Отчего же, братец, я слушаю, – вымолвила Даша тихо.

– Уж я вижу. А заодно, видимо, мух за окном считаешь, – как-то обиженно заметил Илья.

– Дашенька, если тебе и правда неинтересно, то ступай, – ласково сказала Марья Ивановна.

– Спасибо, тетушка! – воскликнула радостно Даша, получив долгожданную свободу, и вмиг исчезла из гостиной.

Илья проводил ее тонкий силуэт огорченным взором и

буркнул:

– Ей с самого начала неинтересно было, заметил я сразу. Еще и за завтраком она сидела с таким выражением лица, словно на каторге.

– Дашенька поутру со служанками раным-рано на кухне обычно завтракает, а потом верхом катается или в саду гуляет. А сегодня видишь, как получилось, – объяснила Марья Ивановна. – Она уж очень послушная у нас и скромная, так что порой и не знаешь, что она хочет. Все делает, как велют ей. Только вот ты, Илюша, как-то разглядел, что ей скучно.

– У нее на лице все большими буквами написано, матушка, – просто заметил Илья. – Итак, на чем я остановился?

Тихий поздний вечер окутал поместье. Дашенька осторожно отворила окно в сад и оглядела пустынную поляну. Весь дом уже спал, и часы недавно пробили три четверти одиннадцатого. Девушка, не заметив ни души, осторожно перекинула ноги через подоконник и, развернувшись на живот, повисла на груди. Сарафан, гораздо более удобный, чем любое из ее платьев, почти не сковывал движения, и Даша ловко спрыгнула вниз на газон, приземлившись, как кошка на траву. Лапоточки, что были на ее ногах, сделали прыжок бесшумным.

Сидя на невысокой балюстраде, ограждающей крыльцо дома, Илья медленно прямо из горла бутылки потягивал игристое белое вино. Бутылка была уже наполовину пуста. Мо-

лодой человек чуть захмелел и собирался до ночи напиться еще сильнее. Разговор с отцом не задался с самого начала и закончился вовсе не так, как хотел Илья. Молодой человек горел желанием закончить военную карьеру и поступить на службу при дворе, на штатскую должность. Но Григорий Николаевич был категорически против этого.

Теплов заявил сыну, что без военной дисциплины Илья в мирском житье вообще пустится во все тяжкие и окончательно опозорит их род. Григорий Николаевич добавил, что военная служба – долг каждого молодого дворянина. И его сын должен хотя бы дослужиться до чина капитана, а не бегать от армии, словно барышня. На это заявление отца Илья обиженно заявил, что он совсем не трус и имеет два ордена отличия, про которые умолчал при остальных домочадцах, а такие ордена не даются просто так. И что свой долг перед Отечеством он выполняет, насколько ему позволяют силы и возможности. Но все же он чувствует, что военная служба – это не его стезя. Илья заявил, что кровавая бойня претит его понятиям о правильной жизни, и он хочет состояться на другом поприще. Григорий Николаевич же непреклонно заметил, что, пока Илье не исполнится двадцать пять, он даже не желает слушать об отставке сына.

Уже поздно вечером Илья вышел из кабинета отца недовольный, обиженный и мрачный. Слуги все спали, и молодой человек, не желая никого будить, сам направился в хозяйственную часть дома. Желая заглушить свои тревожные

думы, он спустился в винный погреб и, взяв бутылку вина, вышел на двор, где, сев на балюстраде, выдернул пробку и принялся с мрачной решимостью вливать в себя содержимое бутылки, намереваясь забыть неприятный разговор с отцом.

Спустя некоторое время до слуха Ильи донесся шорох, раздавшийся сбоку, у окон. Имея острый слух, которому он научился в Крыму, сидя в засаде, молодой человек резко обернул голову и увидел, как в проеме окна, через три окна от него, показался светлый сарафан девушки, а затем и ее ноги.

Быстро среагировав, Илья стремительно поднялся со своего места и укрылся за мраморной колонной. Краем глаза он с удивлением наблюдал за тем, как из окна спальни на траву выпрыгнула девушка с распущенными волосами. Она огляделась по сторонам, и Илья наконец разглядел в полумраке ее лицо. Это была Даша. Ее необычный вид с распущенными длинными волосами, которые доходили почти до бедер, с тесьмой на высоком лбу, в крестьянском сарафане, белой рубашке и лаптях вмиг заставил молодого человека протрезветь. Побледнев и не понимая, отчего сестра одета так, да еще и тайком вылезла из окна, Илья невольно поставил бутылку на каменный пол и напряженным взором впился в изящную фигурку девушки.

Даша, не заметив ничего подозрительного, быстрым шагом последовала вдоль окон и остановилась уже в конце правого крыла. Она тихо постучалась в окно, и оно тут же рас-

пахнулось. Каково же было удивление Ильи, когда оттуда так же ловко, придерживаемая Дашей, вылезла Оленька – в крестьянской одежде и с длинной косой. Девушки взялись за руки и резво побежали через сад в сторону леса.

Окончательно опешив и не в силах понять, куда это на ночь глядя, направились его сестрицы, молодой человек стремительным шагом бросился за ними, намереваясь проследить. Илья следовал за ними почти версту, не теряя светлые сарафаны из виду, когда услышал песни. Еще спустя несколько минут Теплов увидел недалеко у реки большие костры и множество народу.

Приблизившись, Илья замер за деревьями, не понимая, что происходит. Он видел, что кругом много девок в сарафанах и длинных простых рубахах, а также парней, некоторые из которых были просто в штанах с обнаженным торсом. Деревенские парни и девки, водили хороводы вокруг костров и пели песни. На головах у девушек были венки, сплетенные из цветов и трав. Некоторые девки сидели на траве и плели венки, едва закончив, они украшали свои головы и присоединялись к хороводу. И только тут Илью осенило, что сегодня Иван Купала, когда деревенские ищут себе женихов и невест, кидают венки в воду и прыгают через костер парами.

Мрачным взором Илья несколько раз прошелся по веселящейся публике, и лишь спустя некоторое время он заметил Дашу в золотистом сарафане и Оленьку в голубом. Обе девушки сидели на траве и уже заканчивали свои венки.

Илья напряженно смотрел в сторону сестер и осознавал, что им здесь не место. Он отчетливо осознал, отчего они тайком пришли сюда. Первым желанием Ильи было немедленно обнаружить свое присутствие и тотчас препроводить этих своевольниц обратно домой. Но вино вновь затуманило голову молодого человека, и он вдруг решил, отчего просто не повеселиться, как, видимо, и собирались Даша и Оля, на этом деревенском празднике?

Заметив, что девушки, уже водрузив на свои головы венки, побежали в хоровод, Илья тут же принял решение и начал проворно раздеваться. Оставшись в одних темных штанах, по которым было трудно определить его дворянский статус, он, босой, так же, как и большинство парней, устремился к пляшущим. Хороводов было много, и они то переплетались, то устремлялись в разные стороны, вдоль реки, вокруг высоких костров. Илья вновь потерял из виду сестер, ибо их, видимо, увлек другой поток. Немедля молодой человек ворвался в ближайший хоровод, встав между двух деревенских девушек, взяв их за руки. Одна из крестьянок, в длинной белой рубахе, приветливо улыбнулась Илье, окинув оценивающим взором его высокую широкоплечую фигуру. Волосы Ильи взлохматил от нервных дум еще на крыльце, оттого сейчас они в беспорядке лежали на его челе густой темной гривой.

– Ну, у тебя и глазищи! – воскликнула девушка-крестьянка и снова призывно улыбнулась молодому человеку. Вы-

сокая, стройная, с рыжей толстой косой, она доходила ростом до середины головы Ильи и располагала к себе широкой улыбкой. – Ты не водяной, часом?

– С чего ты это взяла? – спросил, рассмеявшись, Илья, быстрее перебирая ногами, пытаясь успеть за хороводом, который прибавил ходу.

– Так глаза у тебя цветом словно вода, вот и подумалось.

– Нет, не бойсь, не водяной, – усмехнулся Илья, пытаясь говорить по-деревенски, чтобы остаться неузнанным.

– А ты кто таков будешь? Вроде я всех парней здешних знаю, – сказала девушка, смеясь.

– Я проездом, солдат. При барине местном денщиком состою.

– Поняла, – закивала девушка. – Красавец ты, глаз не отвести. Поди, нашел уже себе девку для купания?

– Девку? Какую? – поинтересовался Илья и задорно рассмеялся.

– С которой венки на обручение бросишь в воду да искупаешься в реке, а затем и в травке валяться будешь? Неужели не знаешь обычаев?

– Не знал, – пожал плечами Илья, прекрасно понимая, что означает в травке валяться, как сказала рыжая девушка.

– Если не найдешь по сердцу, ко мне приходи, я вон там, у костра, буду, неподалеку.

– Понял, – кивнул Илья, и хоровод побежал быстрее, а девушка как-то умело передала его руку другой и убежала в

сторону.

Спустя четверть часа Илья заметил, как вокруг жаркого пламени началось иное веселье. Местная девушка уже объяснила ему, что надо прыгнуть через костер со своим суженым, тогда навек будет любовь между парнем и девкой. Именно там, у этого костра, Илья издалека разглядел золотой, необычного для крестьянок цвета сарафан Даши и голубой Оленьки. Тут же направившись в их сторону, Теплов подошел к девушкам сзади. Илья видел, что самые бойкие пары, взявшись за руки, резво прыгали через костер. Некоторые девки и парни, видимо, еще не отыскав суженых своих, прыгали поодиночке. Он встал прямо за сестрами, через пару человек. Скрестив руки на груди, молодой человек внимательно наблюдал за девушками, оставаясь незамеченным. Волосы Даши густым покрывалом укутывали ее тонкий стан и заканчивались на бедрах. Отсвет пламени золотом отливал в прядях, и Илье казалось, что они светятся словно солнце.

В какой-то момент Теплов отчетливо разглядел, как профиль Даши заострился, и она, сжав кулачок, попыталась подойти к костру. Илья отчетливо понял, что она хочет прыгнуть, но боится. Она вновь попятилась, уступая место более храбрым, и заняла свое место рядом с Оленькой. Каково было удивление Теплова, когда через миг к девушкам подскочил долговязый паренек лет тринадцати и, что-то шепнув на ушко Оленьке, схватил ее за руку и потащил к костру. Округлившимися глазами Илья увидел, как малышка Оля вместе с

долговязым крестьянским парнем резво, будто козочка, перепрыгнула через костер и, звонко рассмеявшись, побежала вместе с ним дальше и встала в длинный хоровод, чуть поодаль.

Даша же так и стояла у костра и все не решалась прыгнуть.

Какое-то странное желание толкнуло Илью вперед, и он, в три шага достигнув девушки, схватил ее за ладонь.

– А со мной прыгнешь? – произнес он глухо над ней. Даша, явно не ожидая его здесь увидеть, испуганно вскинула на него озера глаз и только выдохнула:

– Илья?

Молодой человек уже властно сжал ее хрупкую кисть в своей широкой ладони и вновь сказал уже более настойчиво:

– Не бойся! Пойдем!

Илья потянул ее за руку к костру, и Даша, словно в каком-то сне, подчиняясь его приказу, а еще более желая осуществить задуманный прыжок через костер, разбежалась вместе с Ильей и полетела через высокие языки пламени. Боясь обжечься, девушка лишь на секунду почувствовала едва ощутимое тепло под ногами. Всего миг – и они уже оказались на другой стороне. Приземлившись на мягкую траву, Даша ощутила, что Илья все еще крепко держит ее ладонь в своей жесткой теплой ладони. В этом месте она почувствовала сильный жар от его прикосновения, и ее щеки заалели. Она незамедлительно вытянула свои пальцы из его руки и, устремив на него удивленный и настороженный взор, произнесла:

– Зачем ты здесь?

– А вы с Олей зачем? – парировал молодой человек, не спуская заворуженного взора с ее лица.

Ее распущенные золотые волосы красиво обрамляли тонкое, совершенной формы лицо, спускаясь непослушными густыми прядями на плечи и спину. А благоухающий сплетенный из лент и цветов венок пересекал высокий лоб, удерживая эту блестящую копну волос, оберегая от ветра. Даша предстала перед Ильей в совершенно ином свете. Она показалась ему дикаркой с ярким непокорным взором, бунтующей копой волос, стройным подвижным и упругим станом, прелестная, непонятная и невероятно притягательная.

Даша попятилась в сторону, чтобы их не слышали посторонние, и остановилась у небольшой осины. Илья последовал за ней, отчетливо понимая, что надо все выяснить сейчас. Девушка невольно пробежалась глазами по его эффектной фигуре, обнаженной по пояс. Рельефный подтянутый обнаженный торс молодого человека отражал мощь и силу владельца.

– Так зачем вы здесь? – повторил уже строго Илья, и Даша отметила, как зазвучали в его голосе интонации старшего брата.

– Я весь год хотела попасть сюда. В прошлый раз не смогла прийти. Я только венок в реку брошу, и мы с Оленькой домой пойдем.

– Так я и поверил тебе. Ты хоть знаешь, чем все это гуля-

ние заканчивается?

– Знаю я чем! – воскликнула Даша нервно, откинув светлую непослушную прядь волос за спину. Илья проследил за движением девушки цепким взглядом и прищурился.

– Тогда зови Олю, и я вас домой провожу, – сказал настаивательно Теплов.

Даша нахмурилась, и Илья отчетливо увидел в ее блестящих синих глазах непокорство.

– Пока венок в реку не брошу, никуда не пойду!

– Вот как?! – выдохнул Илья. А про себя подумал, как же его матушка ошибалась, думая, что Даша послушная да тихая. Если она уже четырнадцать лет такое вытворяет. По ночам на Купальную вакханалию бегают да еще младшую сестру за собой таскает, так что же будет в восемнадцать? Он напряженно добавил: – Ежели сама пойдешь, матери ничего не расскажу, так уж и быть.

Даша отрицательно замотала головой. В следующий миг Илья жестко схватил девушку за руку и потянул ее прочь, но она начала упираться ногами в землю, не желая идти и пытаясь вырвать запястье из жесткой хватки Ильи, громко причитая:

– Дай мне хотя бы венок бросить в воду! Илья! Полночь скоро уже!

Он обернулся, прекратив ее тянуть.

– И сдался тебе этот злосчастный венок! – произнес он возмущенно.

– Я желание загадать хочу!

– Дарья! Я сказал, домой пошли! – недовольно выпалил молодой человек и вновь потащил девушку за собой. Но не успел он сделать и пару шагов, как на него налетели три парня. Один из них прямо с размаху заехал Илье в челюсть. Не ожидая подобного поворота событий, Теплов невольно отпустил руку Даши и занял боевую стойку, отразив сильной рукой удар другого парня.

– Ступайте, Дарья Сергеевна! Не бойтесь, мы с ним разберемся, – заметил третий деревенский парень и также налетел на Илью.

А первый парень добавил:

– Ты ее не тронь! Барышня это наша! Мы за нее тебе глотку порвем!

Опешив от неожиданной развязки, Даша испуганно взглянула на двоюродного брата, который умело отбивал удары трех деревенских парней и сам уже пару раз заехал обидчикам по физиономиям. Она отметила злой взор Ильи, брошенный в ее сторону, но он тотчас отвлекся, пытаясь противостоять нападавшим на него парням. Она в ужасе побежала к реке и схоронилась в камышах. Почти четверть часа девушка напряженно думала, что делать дальше.

В фантазиях она представляла, как поутру Ильи, весь избитый, вернется в усадьбу и не просто расскажет дяде и тетке о ее ночных проделках, а еще и накажет ее за то, что деревенские парни, не признав в нем барина, набили ему ли-

цо из-за нее. За Оленьку она не беспокоилась. Ведь все деревенские знали, кто она, ее бы и пальцем никто не тронул. Так же, как и саму Дашу, что и было доказано чуть ранее. Едва ее куда-то потащил некий парень, тут же нашлись защитники. За Илью беспокоится тоже не стоило, вряд ли бы деревенские причинили бы ему большой вред, так как считалось, что на Купалу надо творить добро, так что, скорее всего, его уже отпустили.

Девушки запели зазывные песни. Даша издалека отметила, что хороводы устремились к реке. Видимо, настала полночь, и влюбленные пары пошли спускать венки к реке. Остальные девки уже заходили в воду поглубже, стараясь забросить свой венок как можно дальше, чтобы он плыл дольше и желание их точно исполнилось. Даша так давно готовилась к этому дню, так ждала его и хотела бросить венок и загадать желание. Но теперь все пошло не так. Илья как-то узнал, что они с Оленькой пошли сюда, и все испортил. Мало того, скорее всего, на завтра ее ждал грандиозный скандал в доме дяди.

Горько вздохнув, Даша осознала, что ничего изменить уже нельзя. И сейчас она здесь, у реки, и у нее есть венок. Так отчего же не загадать желание и не бросить его в воду? Неужели из-за этого неугомонного Ильи все ее усилия пойдут прахом? Нет.

Даша решительно выпрямилась и, стянув со своей головы венок, положила его на траву. Затем, боясь испачкать

красивый сарафан, сняла его через голову, опустив в траву, оставшись в простой длинной рубашке. Деревенские девки не носили нижних рубашек и чулок, и Даша об этом прекрасно знала. Оттого, одеваясь сегодня, девушка тоже надела рубашку на голое тело. Проворно сняв свои лапоточки и оставив их рядом с сарафаном в траве, она схватила венок и осторожным шагом, босая, устремилась к воде. Она вышла к кромке воды чуть в стороне от остальных, и здесь, в сосновом бору, никого не было. Даша была только рада этому. Она решила быстро бросить венок в воду и вернуться в камыши, надев обратно сарафан. Ее никто не должен был заметить.

Однако ее нежные ступни были непривычны к жесткому каменистому берегу реки, и едва Даша сошла с мягкой травы, как сильно замедлила шаг, осторожно ступая обнаженными ногами по берегу. Наконец девушка зашла в речку. Прохладная вода вызвала у нее невольный трепет, и она устремилась на глубину, держа над водой свой венок. В этом месте река сразу же уходила вглубь, именно поэтому здесь не было ни души. И Даша это отчетливо осознала, ибо вода стремительно достигла ее пояса. Она едва отошла от берега, а было уже довольно глубоко. Понимая, что сглупила и зря не пошла со всеми девушками в низину, где дно более пологое, девушка поняла, что другого шанса у нее не будет. Она упорно сделала еще несколько шагов и встала на цыпочки, отметив, что вода уже достигла плеч. Чувствуя, что далее идти опасно, Даша закрыла глаза и, держа на весу над водой

венок и сосредоточившись на желании, прошептала:

– Река-матушка пошли мне суженого, доброго и верного, ласкового и заботливого, чтобы он любил меня, как и я его. А ты суженый-ряженный, прошу, явись мне теперь. Пусть первый встреченный мною мужчина будет похож на моего будущего мужа. Чтобы знала я, которого выбрать надобно.

Открыв глаза, Даша что было силы кинула венок на середину реки и с удовлетворением увидела, как темная вода подхватила его и понесла вниз по течению. Вода показалась Даше прохладной, и она попятилась, чтобы выйти. Не оборачиваясь, девушка следила за своим плывущим венком, провожая его взглядом и радуясь тому, что тот так долго не тонет. Ибо, по поверью, чем дольше венок не тонет, тем точнее сбудется желание.

Она так и пятилась как рак, пока вода не стала покрывать только ее голени. Постояв еще минуту в воде, Даша увидела, как река унесла ее венком за поворот, и, с облегчением вздохнув, наконец повернулась к берегу лицом. И в следующую секунду едва не вскрикнула от испуга. У кромки воды между соснами, всего в пяти шагах от нее, возвышалась высокая фигура Ильи с голым торсом. Опешив, девушка невольно замерла, и по ее телу пробежала холодная неприятная дрожь. У Ильи была разбита губа, и он как-то недовольно дергал плечом, которому, видимо, тоже досталось в потасовке.

– Ба! Вот и наша скромница! – выдохнул глухо молодой человек. И его наглый взор прошелся по округлостям девуш-

ки. Мокрая рубашка прилипла к телу Даши, отчетливо обрисовывая ее округлые высокие грудки и стройные девичьи бедра. Илья отчетливо видел, что грудки ее небольшие, но прелестной формы, словно наливные яблочки, которые хотелось сжать в ладони. Рубашка также обрисовывала тонкую осиную талию девушки и округлые нежные бедра. – Загадала хоть желание?

Увидев дерзкий оценивающий ее взгляд брата, Даша прекрасно осознала, что мокрая рубашка совершенно не скрывает ее прелестей. Девушка испуганно прикрылась, скрестив тонкие ручки на груди. Широкоплечая высокая фигура загоразивала проход между соснами. Даша сделала пару шагов навстречу молодому человеку, поскольку только тут был нормальный проход от реки, а с обеих сторон росла жгучая крапива. Вскинув на Илью непокорные горящие глаза, девушка приблизилась к молодому человеку на расстояние вытянутой руки.

– Позволь мне пройти, братец, – сказала Даша просяще, но строго, боясь еще сильнее разозлить его.

Однако молодой человек даже не двинулся с места. Лишь взглядом вперился в ее огромные влажные глаза лани невероятного синего цвета. Светлые влажные от воды волосы девушки блестели в лунном свете, и она показалась Теплому русалкой, едва вышедшей из воды.

Как и шесть лет назад, Илью накрыло неистовое желание защитить Дашу ото всех, обнять ее, утешить и сделать так,

чтобы она не пугалась его, а смеялась в его присутствии. Следующая мысль, которая накрыла Теплова, была еще более пугающей, чем первая. Дикое, необузданное желание поцеловать девушку в сладкие полные губы ворвалось в сердце молодого человека, словно набат, и он замер, как будто замороженный, утонув в ее бездонных глазах. Всеми силами разума Илья пытался совладать со своими непонятными желаниями, и только через минуту ему наконец удалось взять себя в руки.

– Вот бы матушка видела тебя, – глухо произнес он и, сглотнув комок в горле, уже громче добавил: – Как барышня гольшом перед своими крепостными выхаживает. – Даша попыталась обойти его, нахмурившись. Но Илья тут же обхватил ее рукой за худенькое плечо. – Торопишься кавалера себе на ночь подыскать? – вдруг бросил Илья, притискивая хрупкое тело девушки к себе и опалая ее своим горячим дыханием, в котором Даша отчетливо ощутила запах вина. – Так разобрался я с твоими заступничками. Они еще долго мои кулаки помнить будут.

– Пусти, Илья! – выпалила Даша, уже недовольно отталкивая его руками. Но он сильнее склонился к ее нежному лицу и выдохнул у самых губ:

– Так со мной пойдем. Я уж покажу тебе, что к чему...

И тотчас на его лице оказалась ее тонкая ладошка. Со всей своей девичьей силы Даша залепила молодому человеку звонкую пощечину. Не ожидая от этой тихони подобно-

го поведения, Илья опешил и немедленно выпустил ее из своих объятий. Девушка, стремительно подхватив мокрый подол рубашки, бегом, спотыкаясь, ринулась от него прочь, скрывшись среди деревьев.

Теплов обернулся ей вслед и только в этот миг осознал, что Даша – его сестра. Но еще минуту назад, увидев ее в мокрой рубашке, он настолько потерял голову, что предлагал ей невесть что. И самое страшное, подумал вдруг в ужасе Илья, что и в данный момент его существо жаждало осуществления именно этого плотского животного и страстного желания непременно с нею, со своей двоюродной сестрой.

Ранее, когда он заметил Дашу среди деревьев, она как раз направлялась к воде в длинной рубашке с распущенными волосами. И Илья, подчиняясь некоему порыву, невольно приблизился к берегу, очень тихо, чтобы девушка не услышала его. Он наблюдал за тем, как она зашла в воду и бросила венок. А чуть позже, не спуская взора с ее прелестной спины и округлых ягодиц, которые очень хорошо обрисовывала длинная мокрая рубашка, долгие минуты любовался ее прелестями, пока она, пятясь, выходила из воды, не видя его. И в эти мгновения Даша казалась ему прекрасной и соблазнительной сиреной, которая своим видом может заморозить или околдовать.

Понимая, что сегодня он явно выпил лишнего, и осознавая аморальность своих действий, Илья медленно поплелся в ту сторону, куда убежала девушка, собираясь проследить,

как бы не вышло чего дурного. Он знал, что его долг брата – беречь сестер от всего того бесчинства, которое вот-вот должно было произойти.

Едва Теплов вышел на поляну, где догорал большой костер, он увидел, как Даша и Оленька, уже одевшись в сарафаны, направились в сторону усадьбы. Илья последовал за ними на некотором расстоянии, чтобы они не заметили его. На полпути, убедившись, что девушки идут к дому, молодой человек, успокоив свои мысли, повернул обратно к реке. Именно там, спустя уже четверть часа, Илья нашел ту самую рыжеволосую вполне стоворчивую девицу, с которой позже пробаловался в лесной чаще более часа. А затем, удовлетворенный, уставший и взбудораженный всем этим бурным ночным приключением, молодой человек, захватив свою брошенную одежду, в расстегнутой шелковой рубашке, штанах и высоких ботфортах медленно направился к усадебному дому. Около трех ночи Теплов завалился в свою спальню, прямо в одежде устало рухнул на кровать и забылся беспробудным сном.

Даша проснулась поздно от мелодичного голоса Аниюты, которая над нею произнесла:

– Вставайте, барышня. Марья Ивановна велела завтрак подавать. Все уже в столовой, только вас дожидаются. Она велела за вами сходить.

Открыв заспанные глаза, Даша непонимающим взглядом

уоставилась на горничную.

Мгновенно в сознание девушки врезались воспоминания о минувшей ночи. Высокие костры, песни и хороводы, журчание воды в реке. Даша уже хотела довольно улыбнуться, как вдруг ее радужные думы окрасились мрачными красками, в которых присутствовал Илья.

В голове девушки вмиг всплыли все события ночи с того момента, как Теплов у костра схватил ее за руку, и до того, как она дала ему звонкую пощечину. Эта череда ночных недоразумений вызвала у девушки неприятный озноб. И Даша отчетливо поняла, что теперь поутру ей, видимо, предстоит выдержать укоры тетушки, гневный взор дяди, ехидные смешки Лизы и, уж конечно, злую речь Ильи. Ибо она даже не сомневалась, что молодой человек уже все рассказал домочадцам об их с Оленькой ночных похождениях. И, конечно же, и сам Илья при всех скажет ей пару гадких унижающих фраз, которые он очень хорошо умел применять к ней. Ведь за то, что она упиралась и не хотела идти домой, затем за ту драку с деревенскими парнями, и уж конечно за пощечину он наверняка поквитается с ней во всю мощь неприязни, которую он испытывал к ней. Однако изменить ничего уже было нельзя. И, вероятно, тетушка уже ждала ее, чтобы отругать за все.

– Сколько времени, Анюта? – спросила Даша, горько вздыхая, и села на кровати.

– Так девять доходит, – ответила горничная.

– А Оленька уже встала?

– Конечно, еще полчаса назад.

– А Илья Григорьевич?

– Так он уж давно в столовой. Он еще с семи часов по дому бродил да спрашивал, когда завтрак будет. Я же говорю вам, вас одну и ждут.

Даша нахмурилась и подумала о том, и чего Илье не спит-ся? Наверняка с гуляния он ушел гораздо позже их с Оленькой. Вновь вздохнув от тягостных дум, девушка встала и направилась к кувшину с водой. Ловко откинув длинную косу за спину, она обернулась к горничной.

– Анюта, милая, приготовь кобальтовое платье, что без рисунка, – ласково попросила Даша.

– Но, Дарья Сергеевна, оно уж совсем темное. А сегодня жара будет.

– Прошу, достань именно его. И волосы просто косой на затылке собери в кольцо.

– Но как же, барышня? Ваш братец на несколько дней приехал, праздник в доме. А вы как будто служанка какая наряжаться хотите.

– У меня совершенно нет желания прихорашиваться сегодня, – отмахнулась от нее Даша, вытирая лицо.

– Как вам будет угодно, барышня.

Ровно в девять Даша вышла из своей спальни и медленно, словно на эшафот, направилась в столовую. Мысленно она уже представляла, что сейчас произойдет. Перед закры-

той дверью столовой она глубоко выдохнула и сказала себе, что за все свои поступки надобно нести ответ. Нажав дверную ручку, Даша наконец решилась и вошла в озаренную утренним солнцем столовую. Все пять пар глаз устремились на нее. Однако она, стараясь не смотреть в лица домочадцев, приблизилась к накрытому столу.

– А вот и ты, душа моя, – приветливо воскликнула Марья Ивановна и, встав с диванчика, сказала: – Пойдемте за стол. Мирон, подавай, пожалуйста.

Даша метнула взор на тетку и отметила, что Теплова в обычном добродушном настроении. Далее девушка посмотрела на дядю, который уже занял место во главе стола, и также не заметила на лице Григория Николаевича ожидаемого недовольства. Опешив, она оглядела гостиную и у дальней стены заметила высокую фигуру Ильи, который подпирал мощным плечом сервант. Даша сразу же отметила пронзительный немигающий взор молодого человека, направленный на нее, и окончательно растерялась. Быстро отвернувшись, она последовала к столу на свое место. Оленька и Лиза уже сидели, и их лица также имели обычное выражение. Ничего не понимая, Даша, как заведенная кукла, села на отодвинутый лакеем стул. В сторону Ильи она теперь опасалась смотреть. Ей отчего-то казалось, что глаза молодого человека буравят ее насквозь, и он только ждет удобного момента для словесного поединка.

Марья Ивановна заняла место справа от Григория Нико-

лаевича и удивленно воззрилась на Лизу, которая сидела по левую руку от отца.

– Лизонька, Илюша должен сесть рядом с батюшкой, – пожурила дочь Марья Ивановна.

– Прости, братец, – воскликнула недовольно Лиза, скорчив гримаску. Она попыталась встать на ноги, чтобы пере-сесть, но Илья, уже подошедший к столу, остановил ее жестом.

– Не беспокойся, Лиза, я с матушкой сяду.

Молодой человек отодвинул стул и устроился рядом с Марьей Ивановной, напротив Даши, сидящей по левую руку от Лизы.

– Кто кашу будет? – громко приветливо спросила Тепло-ва.

– Если можно, мне, матушка, – тут же попросил Илья.

И Даша вскинула на молодого человека глаза. Она вновь столкнулась с пронзительным задумчивым взглядом аквама-риновых глаз, он смотрел на нее в упор, не мигая. Девуш-ка отметила, что сегодня Илья ведет себя странно, слишком вежливо и молчаливо. Не в силах выдержать его взора, Даша вновь опустила глаза и положила себе на тарелку небольшой кусок пирога с рыбой, что лежал прямо перед ней на боль-шом фарфоровом блюде.

– Сегодня можно съездить покататься верхом, – заметила Лиза. – Я тебе, братец, реку покажу, что в версте отсюда. Там любят гулять местные деревенские девки. А иногда там

такие гуляния устраивают и костры ждут, аж отсюда видно.

Даша закашлялась, подавившись куском. Она схватила чашку с чаем, чтобы запить. Ибо слова сестры вмиг вызвали у нее жутковато-прекрасные воспоминания о минувшей ночи.

– Не надо так торопиться, сестрица, – между прочим заметил Илья. И Даша исподлобья бросила на него недовольный взор. И в ответ увидела его ехидную ухмылку.

Не спуская с лица Даши напряженного изучающего взора, Илья думал о том, как эта девушка, которая вчера, словно вакханка, бегала по лесу в одной рубашке с распущенными волосами, босая, прыгала через костер, перечила ему во всем, стараясь то и дело удрать от него, может сейчас изображать такую скромницу и тихоню. Да и нарядилась она сегодня как будто монашка, в темное невзрачное платье, с косой, уложенной на затылке в корзинку. Но Илья прекрасно помнил ее ночной образ с яркими глазищами и золотыми влажными прядями волос, в мокром, обнажающем все ее девичьи прелести одеянии.

Нет, она была совсем не такой, какой нынче хотела показаться окружающим. Теперь она вновь надела на себя маску добродетели и пуританства. Но Илья отчетливо чувствовал, что внутри Даша совершенно другая. И это осознание не просто импонировало ему, а завораживало молодого человека настолько, что его взор то и дело притягивался к девушке. Он пытался прочесть в ее глазах хотя бы намек на

ее вчерашнее настроение. Но нет, в этот миг Даша была зажата, скованна, будто на экзамене, боясь показаться такой, какая она есть на самом деле. В глубине души Илья отчетливо ощущал, что именно вчера на реке она была настоящая, живая и веселая. Ночью она словно вырвалась из душащего ее кокона и бабочкой порхала по лесной чаще.

– Нет, пусть лучше Илюша побудет с нами, я покажу ему нашу оранжерею да клубнику, что я посадила, – заметила Марья Ивановна.

– К сожалению, я не могу дольше гостить здесь, – ответил Илья. – Мне надобно возвращаться в столицу. Посему, извините меня, но после завтрака я уезжаю.

– Как после завтрака? – опешила Марья Ивановна. – Но, Илюша, ты ведь только вчера приехал.

– И уже достаточно насмотрелся на здешние нравы и обитателей, – многозначительно произнес Илья, и Даша вновь отметила красноречивый взгляд молодого человека, направленный на нее.

И тут ее осенило. Илья никому ничего не рассказал! И, видимо, решил сделать вид, что ничего вчера не произошло! Мало того, подумала она с ликованием, Оленька не видела Илью ночью на гулянии. Поскольку она прыгнула через костер раньше, чем он подошел. А затем в камышах они были только вдвоем. Осознание того, что недовольства тетушки, которую она так боялась разгневать, не будет, и Илья, видимо, не собирается ей мстить, ибо по его спокойному умиро-

творенному выражению лица можно было сделать подобный вывод, вызвало у Даши хитрую тайную улыбку. Как же она в тот миг была благодарна молодому человеку за то, что он оказался не таким гадким, каким она всегда представляла его. Может, Илья просто вырос, и мальчишеские шалости и обиды остались в прошлом?

Итак, после завтрака все домочадцы направились на крыльцо провожать Илью. В военной форме, с золотыми галунами, в треуголке с перьями и высоких ботфортах младший Теплов выглядел очень браво и эффектно. Дворовые толпясь у дома и глазели на проводы. Конюх чуть в стороне уже держал под уздцы жеребца Ильи и ждал приказа.

Первым к сыну приблизился Григорий Николаевич и пожелал ему хорошей службы. Пару ласковых слов сказала и Марья Ивановна, перекрестив его. Затем, быстро спустившись с лестницы и приблизившись к брату, его в щечку чмокнула Лиза. А Оленька крепко обняла Илью и сказала, что будет очень сильно ждать его, так же, как и Володю.

Даша стояла в стороне и не решалась подойти к молодому человеку. Однако ее душа ликовала от счастья. Одно только осознание того, что Илья скрыл ото всех ее ночные похождения, возвысило молодого человека в глазах девушки на высоту, достойную благородного человека. Даша и не ожидала такого рыцарского отношения к себе с его стороны.

– А ты что же, сестренка, не будешь провожать меня? – спросил Илья вдруг громко, обращаясь к Даше. Девушка

смутилась и все же подошла к нему. Когда она приблизилась, молодой человек как-то по-свойски приобнял ее за хрупкие плечи и громко сказал, так, чтобы все слышали:

– Ну, расти побыстрее и матушку слушайся.

В этот момент Даша, воспользовавшись моментом, встала на цыпочки и, устремив свои губы к уху молодого человека, тихо, чтобы никто не услышал, прошептала у его плеча:

– Благодарствую тебе, братец, что не выдал меня.

Она тут же проворно отстранилась, но Илья, вдруг положив ладони на ее плечи, пронзительно посмотрел на девушку и криво усмехнулся. В следующий миг молодой человек наклонился к ушку Даши и очень тихо произнес:

– Так теперь ты должна мне будешь. И за тайну свою, и за драку с мужиками и, конечно же, за пощечину. Помни это. Когда придет время, я потребую долг.

Он произнес это на одном дыхании очень быстро. Но Даша все отчетливо услышала, а Илья выпрямился и подтвердил свои слова уверенным властным взглядом.

Молодой человек отметил, как в прелестных синих глазах Даши отразилось недоумение, и, довольный эффектом, хмуро ухмыльнулся.

– Ну, вроде все, прощайте! – громко сказал Илья и сделал знак конюху.

Уже через мгновение молодой человек ловко вскочил в седло и, на прощание помахав треуголкой, пришпорил коня, стремглав полетев к открытым воротам.

Даша смотрела ему вслед и хмурилась, прекрасно осознавая, что по своей наивности подумала, что Илья простил ей все. Но не тут-то было. Он все запомнил и, видимо, ничего не собирался забывать. О чем ей и сказал. Но отчего-то в этот момент ему было выгодно скрыть все от домочадцев. И что означала его фраза про «требование долга», Даша боялась даже предположить.

Глава II. Святки

Санкт-Петербург, особняк Тепловых,
1774 год, 22 декабря

Оленька осторожно протянула очередную фарфоровую куклу. Чуть склонившись с невысокой лесенки, Даша проворно взяла из рук сестры красивую игрушку и поставила на полку.

– Еще пара кукол, и все будут на месте, милая, – заметила Даша, улыбнувшись сестре, стоящей внизу.

Девочка согласно кивнула и полезла за очередной куклой в красивую красную коробку. А Даша терпеливо осталась стоять, ожидая, когда девочка подаст ей следующую фарфоровую прелестницу.

До Рождества оставалась пара дней. Сегодня Марья Ивановна и Лиза отправились на премьеру в оперу, где должен был собраться весь петербургский свет. Даша с Оленькой, оставшиеся дома, оттого что были еще слишком юны для посещения подобных увеселительных мероприятий, решили в этот морозный вечер достать из коробок старых кукол, которые на днях прибыли из мастерской кукольного мастера. Еще месяц назад Марья Ивановна распорядилась отдать все игрушки Лизы, Даши и Оленьки в починку, для приве-

дения кукол в должный вид. И вот теперь с чистыми платьицами, свежими волосами и обновленными подкрашенными лицами куклы вернулись обратно. Для дорогих фарфоровых красавиц в гостиной был выделен целый резной шкаф, где куклы хранились на деревянных полках, закрепленные на специальных подставках. Девушки уже заканчивали расставлять их по местам, искренне любуясь обновленными игрушками.

Даше очень нравилось это действо. В эти моменты, такие тихие и таинственные, в полутемной гостиной она вспоминала свое счастливое детство, когда была жива ее матушка, и они вместе с Екатериной Федоровной разбирали Дашины игрушки, расставляя их по местам. И сейчас, поставив на верхнюю полку предпоследнюю куклу, Даша горько вздохнула, понимая, что прошлого уже не вернуть.

Этой весной после продолжительной болезни умер Григорий Николаевич. На его похороны ни один из сыновей не смог приехать, так как и Илья, и Владимир воевали в Крыму. Из-за тяжелой обстановки на фронте молодые люди даже на неделю не смогли выхлопотать себе увольнение. Отныне, как полагалось по закону, главой дома должен был стать Илья. Но молодой человек безвылазно находился на юге России при своем корпусе. Из его писем Тепловы знали, что, возможно, к весне он сможет вернуться домой.

Сейчас Даше шел восемнадцатый год и более десяти лет она жила в доме покойного дяди. Марья Ивановна, как и

прежде, относилась к ней с теплотой и любовью. Стараясь угодить девушке, Теплова баловала ее так же, как и свою старшую Лизу. Но Даша всегда помнила, что она всего лишь племянница в этом доме и не может позволить себе вести себя подобно старшей сестре, которая закатывала истерики по любому поводу.

Лиза редко общалась с ней, а с годами ее неприязнь усилилась. Причину этого Лиза не раз озвучивала наедине, заявляя сестре, что она не только была искуснее в танцах и музыке, но и гораздо красивее. Едва Даше покупали новое платье, Лиза немедля устраивала матери грандиозный скандал по этому поводу. Даша старалась заказывать себе наряды попроще, с небольшими вырезами и почти без украшений, чтобы не раздражать старшую сестру, но та все равно была недовольна. Она кричала матери, что на Даше самая невзрачная тряпка смотрится изысканно, а на ней даже дорожщее французское платье сидит ужасно.

Двенадцатилетняя Оленька за эти годы стала верным другом Даши. Она во всем поддерживала старшую сестру, ходила за Дашей хвостиком, играла с ней и открывала все свои сокровенные девичьи тайны.

Едва Даша взяла из рук сестры темноволосую куклу в голубом атласном платье, как из парадной послышались громкие голоса. Вмиг двери в гостиную распахнулись, и в комнату ввалились пятеро молодых людей в темно-зеленой военной форме.

– Демьян, еще свечей! Тут темно, как в бочке! – раздался громогласный повелительный голос одного из гвардейцев, который вошел первым.

Узнав Илью Теплова, Даша и Оля замерли на своих местах, испуганно глядя на гвардейцев, которые грязными сапожищами топтали светлый индийский ковер в гостиной.

Девушки, находившиеся в центре комнаты, рядом с высоким шкафом, привели молодых людей в ступор. Один из них, чуть выше среднего роста с черными усами, замер на месте и воскликнул:

– А это что за ангелы, залетевшие в гостиную? А, Илья?

Три лакея внесли в гостиную две дюжины канделябров по пятнадцать свечей, и громадная комната озарилась ярким светом. Илья, который остановился в пяти шагах от Даши и Оли, упорно молчал и лишь недовольно смотрел на девушек.

Даша сразу же отметила, что молодые люди пьяны, ибо у говорившего гвардейца заплетался язык, а двое других пошатывались, нетвердо стоя на ногах. Девушка ощутила неловкость, заметив, как Илья внимательно рассматривает ее, скользя пристальным взором по ее фигурке снизу вверх и обратно. Затем он перевел глаза на Оленьку. Красноречивые, заинтересованные и немного развязные взоры других молодых людей заставили Дашу покраснеть от смущения, и она, проворно поставив последнюю куклу, закрыла шкаф и начала спускаться с лестницы.

В следующий миг один из гвардейцев небрежно кинул

свою треуголку на бархатный диванчик и стремительно приблизился к Даше.

– Вы позволите мне помочь вам, сударыня? – услужливо спросил он у девушки, которая уже была на предпоследней ступени.

Даша приветливо кивнула и, опершись на предложенную твердую ладонь молодого человека, легко спустилась на ковер. Пройдясь заинтересованным взором по его подтянутой сухой фигуре, девушка отметила приятное лицо, живые глаза и светлые густые вихры волос.

– Эй, Михайлов, ты уж больно резв, – заметил гвардеец с черными усами, подходя к ним. – Барышня, может, и не желала твоей помощи.

– Отчего же? Я очень благодарна вам, – ответила приветливо Даша, улыбнувшись светловолосому Михайлову.

Оба гвардейца невольно уставились на чарующую улыбку девушки, которая озарила ее лицо.

– Позвольте, я помогу вам закрыть коробку, – вдруг предложил третий гвардеец, самый трезвый из них, приблизившись к Оленьке, которая никак не могла справиться с запором.

Не выдержав напряжения, Михайлов обернулся к Илье и недовольно воскликнул:

– Теплов, ты так и будешь молчать?! Может, представишь нас барышням? Или мне самому их расспрашивать?

– Илья наш брат, – заметила просто Оленька с непосред-

ственностью ребенка, улыбнувшись усатому гвардейцу, которому на вид было около тридцати.

– Да неужели брат? – пророкотал усмехаясь усатый. – А я думал, сыч какой? Молчит окаянный. Только глазищи выкатил, да и смотрит.

– Позвольте ручку? – воскликнул Михайлов и, уже схватив ладонь Даши, поцеловал ее пальцы. Усатый тут же толкнул Михайлова в бок локтем и заметил:

– Михайлов, ты нарываешься. Это я ее первым разглядел. Ты бы с перепю и не заметил этого ангела. Да и собственную кобылу бы не увидел! – закончил усатый и загоготал.

Один из гвардейцев, что вальяжно прислонился к камину, громко рассмеялся вместе с ним.

– Штуммер, уймись, а не то придется тебя проучить как следует, – парировал Михайлов, красноречиво положив руку на эфес сабли и сверкая глазами в сторону усатого.

– Давайте еще из-за девки подеритесь, – наконец проронил цинично холодно Илья. – Мало вам на войне кровящи-то было?

Даша посмотрела на Теплова. Как и обычно, он надел маску строгого надменного брата. Он все так же стоял в напряженной неподвижной позе, словно истукан, и, сузив глаза, следил за всем происходящим с надменным выражением лица. Инстинктивно ощущая, что они с Оленькой здесь лишние, Даша вновь приветливо улыбнулась усатому Штуммеру, который в этот момент тоже выпросил ее ручку для поцелуя

и сказала:

– Господа, позвольте мне пройти, нам уже пора. Оленька! – она окликнула младшую сестру, обернувшись к ней.

– Как пора? Но мы еще не знаем ваших имен! Теплов, ты представишь нам своих сестер или нет? – уже зло воскликнул Штуммер.

– Дарья Сергеевна, моя двоюродная сестра, – произнес чеканно Илья, протянув руку в сторону Даши. – И Ольга Григорьевна, моя младшая сестра, – он указал на девочку. – Подпоручик Иван Федорович Михайлов и штабс-капитан Штуммер Платон Николаевич, – представил он гвардейцев, которые прилипли к Даше и, видимо, не собирались отходить от нее.

– Дарья Сергеевна! Какое чудесное имя! – воскликнул Михайлов и призывно заулыбался Даше. Светловолосый стройный Михайлов имел живые темные глаза и скуластое молодое лицо.

Даша вновь улыбнулась Ивану Федоровичу и краем глаза заметила, что выражение лица Ильи, что стоял от них в пяти шагах, стало совсем злым. Теплов прямо буравил ее лицо горящим, недовольным темным взором, как будто требуя, чтобы девушки немедленно покинули гостиную.

– Господа, нам действительно пора, – сказала вежливо Даша и, взяв под локоток Оленьку, наклонила голову в знак прощания и добавила: – Была рада познакомиться с вами, милостивые государи.

Она поспешила к выходу с Оленькой, по дороге в знак прощания склонив голову в сторону и двух других гвардейцев, которые почтительно выпрямились при уходе девушек.

Едва они исчезли, Штуммер быстро приблизился к Теплову. Илья так и стоял неподвижно и теперь уже смотрел на дверь, за которой минуту назад скрылись девушки. Платон со всей силы толкнул Илью в плечо, чтобы обратить на себя его внимание.

– Ты что, ополоумел?! – воскликнул, морщась от боли, Илья. – Оно же болит еще!

– Знаю! – сердито прищурившись, сказал Платон. – Это я специально тебе по больному. Будешь знать, как молчать, когда не следует. Что тебе, жалко было представить сестриц, что ли? Убыло с тебя?

– Да уж, – поддакнул ему Михайлов, подходя к столу и откупоривая новую бутылку с шампанским, которую вместе с хрустальными бокалами пять минут назад принес слуга. – Если бы ты не был таким вредным, Илья Григорьевич, мог бы по-братски попросить Дарью Сергеевну с нами остаться.

– Это еще зачем? – буркнул Теплов и подставил Михайлову пустой бокал. Иван плеснул ему шампанского и, буравя друга недовольным взглядом, выдохнул:

– Так поговорили бы. Я бы расспросил ее...

– О чем же? – усмехнулся Илья.

– А неважно о чем, – пробубнил Михайлов. – Главное, чтобы с такой раскрасавицей немного подольше побыть.

– И не говори, Иван, красавица она знатная, я бы сказал, писаная, – поддакнул Штуммер и, не дождавшись пока Теплов и Михайлов разольют шампанское, проворно взял еще одну бутылку и, вальяжно бухнувшись на диванчик, умело откупорил ее и начал пить прямо из горла.

– Незачем моей сестре с вами разговоры вести. Она скромна и к вашим соленым шуткам непривычна, – заметил колко Илья и отошел со своим бокалом шампанского к окну. Чуть отодвинув занавеску, Теплов уперся горячим лбом о холодное стекло и мрачно начал рассматривать падающие ажурные снежинки за морозным окном.

– Я могу и на светские темы говорить, – обиженно заметил Михайлов. – Знаю я как и с кем говорить. Думаешь, я не вижу, что с такой барышней только о возвышенном можно?

Но Илья не слушал его. В его ушах стоял шум, а перед глазами вновь всплыл образ светловолосой чаровницы, той самой, которая предстала перед ним, четвертью часом ранее.

Как только Теплов зашел в полутемную гостиную, он затуманенным вином взором различил стройные фигурки девушек у открытого шкафа. Хотя Даша стояла к нему боком, наверху лесенки, Илья безошибочно в первый же миг определил, что это именно она. Ее изящное гибкое тело он помнил очень хорошо, еще с того лета, когда приезжал на сутки в деревню. Он отметил, как она, опешив, уставилась на него своими глазницами и, когда он приблизился, начала заинтересованно приглядываться к его друзьям. Илья же замер

рядом с нею и принялся рассматривать девушку, словно дорогую драгоценную статуэтку, которую так жаждал увидеть вновь.

Даша изменилась. Ее лицо потеряло детское выражение и стало по-девичьи прелестно. Так же изменилась ее стройная фигурка. Пытливым взглядом Теплов сразу же отметил, что линия ее груди округлилась сильнее и даже в платье простого покроя, в котором она была, выделялась очень отчетливо. Талия девушки показалась Илье такой же тонкой, как и ранее, а стройные бедра стали чуть шире. Когда Даша прошла мимо него, молодой человек отметил, что она подросла и сейчас достигала макушкой его подбородка.

Когда же принесли еще свечи, и гостиная озарилась сильнее, Илья разглядел ее еще лучше. Лицо стало еще краше, чем прежде, угловатость скул исчезла, и сейчас девушку украшали округлые нежные щечки с ямочками. Тонкая линия носа, высокий лоб и пухлые губки венчали ее облик, и в голове Ильи в те моменты стучала набатом одна мысль – не может земная девушка быть настолько чарующей. Пару раз Даша вскидывала на него взгляд, проверяя его реакцию на свои действия. В эти краткие моменты ее пронзительный синий лучезарный взор прямо вклинивался в его сердце. Нервное, заторможенное состояние владело Тепловым первые минуты, но через некоторое время он смог взять себя в руки.

Илья заметил, что Даша вызвала интерес у Штуммера, ко-

торый, как знатный любитель женщин, тут же оценил бриллиант по достоинству. И даже поэтичного Михайлова, который при нем ни разу не ухаживал ни за одной барышней, она как-то тоже умело зацепила своими флюидами. Заметив, что между гвардейцами разгорается спор, Илья сначала опешил, а затем разозлился. Он грубо ответил им и мысленно начал выпроваживать Дашу из залы, чтобы еще сильнее не развить неожиданное знакомство между нею и его друзьями. Она верно почувствовала его настроение, считав недовольство в его глазах, и проворно покинула гостиную.

Стоя у холодного окна, Илья думал лишь о том, куда ему деться из собственного дома, чтобы более не встречаться с этой девицей, которая всего за полчаса взбудоражила своими прелестями все его существо. Однако идти было некуда, а его увольнение кончалось только весной. Да, он мог жить в казарме. Но там было сыро, грязно и шумно. Здесь же все оставалось родным и знакомым, к тому же отныне он был главой дома, как в письме написала мать. Что ж, решил Илья, придется постараться как можно реже встречаться с Дашей, чтобы более не выглядеть глупо в ее глазах, как это случилось сегодня.

Не прошло и получаса, как в гостиную, где находились молодые люди, пожаловала хозяйка дома и Лиза. Марья Ивановна с дочерью, едва вернувшись из оперы, неожиданно застала в гостиной Илью и его друзей. Когда женщины вошли, перед их удивленными взорами предстала непригляд-

ная картина. Полупьяные гвардейцы, развалившись в креслах, пили шампанское. Заметив у окна высокую широкоплечую фигуру сына, Марья Ивановна строго поинтересовалась:

– Что здесь происходит?

Молодые люди вмиг встрепнулись и повскакивали на ноги, вежливо кланяясь вошедшим дамам. Илья обернулся на голос матери и печально улыбнулся:

– Прости, матушка, но так не хотелось сидеть в грязном кабаке. Вот я и пригласил друзей к нам.

– Я поняла. Приветствую вас, господа, – более спокойно произнесла Марья Ивановна. – Надеюсь, вы уже обсудили все свои дела? У нас благопристойный дом.

– Конечно, матушка, – кивнул Илья, подойдя к матери, целуя ее ручку. – Через полчаса мы уже разойдемся.

– Надеюсь на это, – сказала Теплова и жестом показала, чтобы сын склонился к ней. Илья тут же наклонил к матери темноволосую голову, Марья Ивановна с любовью поцеловала сына в макушку и тихо сказала: – Письмо твое получила только сегодня. Я очень рада, что ты, наконец, вернулся в отчий дом, Илюша. – И уже громче добавила: – Зайди потом ко мне в комнату, поговорим. – Она улыбнулась сыну и, вновь обведя всю честную пьяную компанию строгим взглядом, устремилась к двери, на ходу заметив: – Прощайте, господа. Надеюсь увидеть вас в своем доме в следующий раз в более пристойном виде. Лизонька, пошли, – окликнула она дочь.

Лиза же, стоящая рядом с Ильей, изучающе и кокетливо пробежала глазами по статным фигурам гвардейцев.

– Матушка, я только с Ильей поздороваюсь и приду, – заявила Лиза, придумав повод, чтобы остаться подольше с этими соблазнительными офицерами.

– Хорошо, – согласилась Теплова и, бросив строгий взгляд на Илью и Лизу, покинула гостиную.

– Илья, ты представишь меня своим друзьям? – потребовала Лиза, оправляя свое бальное сильно открытое платье, и кокетливо заулыбалась. Илья по порядку подвел Лизу к каждому из гвардейцев и представил девушку.

– Сколько ж у тебя сестер, Илья Григорьевич? – спросил Штуммер. – Одна краше другой! – добавил он, как умелый обольститель, и улыбнулся Лизе. И девушка в ответ как-то глупо захихикала.

– Это все, – буркнул в ответ Теплов и отошел налить себе еще спиртного.

Лиза же немедля затеяла разговор и вовлекла в него троих друзей Ильи. Позволив всем поцеловать ей ручку, девушка села между двумя молодыми людьми на диванчик и начала зазывно разговаривать со всеми подряд. Пьяные гвардейцы тут же растаяли от смелых речей девушки, а более от ее глубокого декольте, в котором виднелась довольно полная грудь Лизы. Они наперебой осыпали девушку комплиментами, а та в ответ все время громко хихикала, то и дело позволяя целовать себе руку. Илья отвернулся, ибо ему отче-

го-то было противно видеть, как развязно ведет себя сестра. Невольно Теплов сравнил притягательную нежную неземную прелестницу Дашу, такую тихую и умело скрывающую свою страстную натуру, с пустой вызывающей кокеткой Лизой. Нет, однозначно, Лиза не стоила даже мизинца Даши, подумал Илья.

Слыша пьяные разговоры друзей и их соленые шуточки, которые они даже не пытались сдерживать в своей речи в присутствии Лизы, Илья чувствовал себя гадко. Сестра же звонко смеялась с молодыми людьми, всеми своими словами поощряя их рассказывать неприличные анекдоты. Теплому было неприятно, что его сестра такая. Михайлов, как и Теплов, сидел в стороне от веселой компании и молча потягивал шампанское, с ухмылкой посматривая на Лизу в окружении трех гвардейцев.

Вдруг Илью окликнул Платон Штуммер:

– Слышь, Илья! Лизавета Григорьевна говорит, что завтра у Разумовских в большом парке гуляния будут весь день! Может, нам тоже туда махнуть?

– Ты это точно знаешь, Лиза? – спросил тихо Илья сестру.

– Сегодня в опере княжна Гагарина об этом говорила, – ответила воодушевленно Лиза. – Там будет празднество устроено, разные горки и качели предполагаются и даже лед для катания.

– Прямо с утра можно туда отправиться! – с воодушевлением добавил Платон.

– Увольте, господа, я буду не в состоянии назавтра встать поутру, может, к обеду, – сонно зевая, заявил один из гвардейцев.

– Тогда тебя, Чертищев, мы вычеркиваем, – выпалил Платон. – Ты с нами, Илья?

– С вами, куда ж вас девать, – пожал плечами Теплов, а про себя подумал, что будет повод отсутствовать дома весь день, и тем самым он сможет избежать встречи с Дашей.

– Итак, решено, завтра к Разумовским, – произнес Штуммер. – Мы поутру с Михайловым, заезжаем к тебе. Наверное, часам к десяти будем. Ты, Бибииков, тоже приезжай сюда. Заберем Елизавету Григорьевну и тебя, Илья, и поедем. Я думаю, двух саней нам на пятерых хватит.

– Конечно, хватит, – громко засмеялась Лиза и добавила: – Надо будет только прижаться друг к другу посильнее, чтобы не замерзнуть, и все.

Все трое гвардейцев, сидящие рядом с девушкой, дружно загоготали над скабресной шуткой Лизы, а Илья нахмурился.

– Лизавета! – уже не выдержал Илья. – Тебя, наверное, матушка уже заждалась. Тебе пора.

– И впрямь, господа, мне пора, – заметила Лиза и церемонно встала. – До завтра. Буду с нетерпением ждать встречи с вами.

Предвкушая завтрашний интересный и чудесный день, Лиза с довольной ухмылкой на тонких губах выплыла из го-

стиной. Илья проводил полноватую фигуру сестры мрачным взором и с облегчением вздохнул. В его голове закружилась мысль о том, что Лизу надо немедленно выдавать замуж. Иначе через пару лет ее фигура окончательно расплывется и потеряет товарный вид, а ее бесшабашный нрав и глупость только будут усиливаться с годами. И уж тогда она точно останется в старых девах.

К Илье подошел Михайлов и тихо спросил:

– А как думаешь, Илья, Дарья Сергеевна сможет поехать завтра с нами на прогулку?

Илья вскинул на друга недовольный взгляд-лезвие и произнес:

– Вряд ли, Иван Федорович. Она к таким развлечениям не привыкла.

– А ты бы попросил ее по-братски, а, Илья Григорьевич? – заискивающе попросил Михайлов. – Уж больно мне хочется, чтобы и она поехала.

– Иван, да сдалась она тебе? – раздраженно выпалил Илья. Но после такой просьбы друга не мог ему категорично отказать. – Поверь мне, она молчать все время будет и скучна она.

– Ты неправ, совсем она не скучна, – не согласился Иван. – А насчет молчания, так это и к лучшему. Я хоть полюбуюсь ею еще чуток. Ты сделай милость, поговори с ней. Уж больно она хороша, аж прям за душу трогает. Обещаю, я буду очень вежлив с ней.

– Ну не знаю я, – уже более спокойно произнес Илья. Иван

так просил, что Теплому стало не по себе. Но уговаривать Дашу поехать завтра с ними он тоже не собирался, поэтому уклончиво ответил: – Я поговорю с ней, но ничего не обещаю. Если она откажется, так и дело с концом.

– Вот спасибо, Илья, уважил, – сказал довольно Михайлов и по-дружески похлопал его по плечу. Затем отошел от Теплова и громко скомандовал: – Вставайте! Марья Ивановна нам полчаса отмерила. Прошли они.

Уже через четверть часа молодые люди покинули особняк Тепловых, а Илья, тяжело вздыхая, поплелся на половину матери, чтобы пожелать ей доброй ночи.

Утром, около десяти, вся веселая компания собралась в китайской гостиной. Ждали только Лизу, которая никак не могла собраться. Марья Ивановна радушно поила чаем троих друзей Теплова и расспрашивала молодых людей обо всем подряд, чтобы занять их время. Сегодня хозяйка дома была весьма вежлива и учтива. Она по-доброму улыбалась, видя перед собою трезвых, вежливых гвардейцев, облаченных в парадные мундиры. Илья, как и обычно, стоял у окна, безразлично смотря на заснеженную улицу и пустынную парадную лестницу, у которой уже ждала пара саней.

– Илюша, ты хоть чаю выпей, – позвала Марья Ивановна. – Ты ведь даже не завтракал сегодня.

– Не хочу, матушка, благодарствую, – буркнул Илья и нахмурился. В желудке молодого человека урчало от голода, но

Теплов специально пропустил завтрак, чтобы не встречаться утром с Дашей. И теперь он надеялся, что они поскорее уедут, и уже там, у Разумовских, он чем-нибудь перекусит или на худой конец завернет по дороге в какой-нибудь трактир.

Наконец дверь гостиной отворилась, и под всеобщие взгляды вплыла Лиза. Ее полноватая фигура, облаченная в алое бархатное платье с большим квадратным вырезом, вызвала одобрителные страстные взгляды Штуммера и Бибикова. Жемчужные драгоценности покрывали шею, руки и уши девушки. Ее волосы, приподнятые в высокую прическу, были украшены небольшими бантами. Марья Ивановна, оглядев дочь, участливо спросила:

– Ты не замерзнешь, доченька?

– Нет, матушка, я же еще шубку надену с капюшоном.

– Как знаешь, милая, – кивнула ей с любовью Марья Ивановна, понимая дочь, которая хотела быть очень красивой сегодня. Ведь нечасто Лиза ездила гулять с такими красивыми, элегантными кавалерами.

– Я готова, можно отправляться, – сказала довольно Лиза.

– А Дарья Сергеевна, что же, не поедет? – вдруг громко спросил Михайлов, ставя фарфоровую чашку с кофе на блюде. Иван обвел изучающим взором Марию Ивановну, Лизу и остановил пронзительный взгляд на Теплове.

– Дашенька? – удивилась Марья Ивановна. – Вы ее тоже приглашали?

– А ее-то зачем? От нее толку никакого, – зло заметила Лиза. – Только испортит все.

– Лизонька, не говори так о сестре, – пожурила ее ласково мать.

– С ней Илья обещался поговорить. И что же? – тоном инквизитора спросил Михайлов.

– Да не поедет она, Иван, что тут говорить, – произнес Илья важно и, отвернувшись от окна, внимательно посмотрел на друга. – Лиза права, пора ехать.

– Нет, постой! – воскликнул недовольно Иван и вскочил на ноги. – Так ты говорил с Дарьей Сергеевной, как я тебя просил, или нет?

Илья поджал губы и хмуро посмотрел на друга.

– По лицу видно, что не говорил, – заметил ехидно Штуммер. – Он и вчера вечером ее быстрехонько из гостиной спровадил, чтобы мы ее не разглядели как следует.

– Илюша, я думаю, вам надобно взять Дашеньку с собой, – заметила ласково, но твердо Марья Ивановна, обратив взор на сына. – Она немного развлечется. А то что же она, как наказанная, все дома сиднем сидит?

– Матушка, вы хоть не вмешивайтесь, – капризно возразила Лиза. – Так мы едем, господа, или нет?!

– Нет, не едем! Если Дарья Сергеевна не едет, я тоже не поеду! – воскликнул грозно Михайлов.

Илья побледнел и приблизился к другу. Он видел, что Иван уперся и не отступится от своего.

– Иван Федорович, что ты прям истерику закатил, словно барышня! – возмутился Илья. – Вот сейчас позовем Дарью да спросим ее. Хочет она поехать или нет?!

– Так ты и не спрашивал?! – тут же догадался Иван.

– Так зачем спрашивать, когда я наперед знаю, что она не согласится, – выпалил Илья.

– Почему ты знаешь и за нее решил? – недовольно заметил Михайлов. – Дозволь мне самому с ней переговорить пять минут.

– Да говори, что мне жалко, – набычился Илья и, подойдя к столу, быстро позвонил в колокольчик. Вошел слуга. – Тихон, пригласи сюда, пожалуйста, Дарью Сергеевну, да побыстрее.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Марья Ивановна удовлетворенно кивнула, а Лиза обиженно надулась, не понимая, отчего из-за этой противной Дашки они должны сидеть в гостиной лишних полчаса, а не развлекаться на качелях у Разумовских. Михайлов замер в ожидании в напряженной позе. А Илья тяжело вздохнул и оперся плечом о теплую плитку камина, уставившись мрачным взглядом на дверь. Платон Штуммер и Дмитрий Бибилов почтительно молчали и важно потягивали чай, ожидая, чем закончится весь этот водевиль.

Даша не заставила себя долго ждать и явилась спустя несколько минут. Прелестная в простом, василькового цвета платье с глухим воротничком, с косой, обернутой вокруг

головой короной, она вошла в гостиную, где ожидала увидеть лишь тетушку, и невольно замерла прямо на пороге, увидев такое количество молодых людей.

– Пройди к нам, Дашенька, – ласково сказала Марья Ивановна, видя смущение девушки.

– Дарья, пройди, – подхватил фразу матери Илья. Даша взглянула на брата и, увидев его хмурый взгляд, невольно побледнела, не понимая, чего от нее хотят.

Девушка тихо поздоровалась, а Штуммер и Бибииков, которые при ее появлении встали со своих мест, галантно поклонились.

– Илья Григорьевич, дозвожь мне, – воскликнул Михайлов. Он приблизился к Даше и, низко склонив голову к девушке, поцеловал ее пальчики. – Доброе утро, Дарья Сергеевна, – добавил он тихо, едва выпрямившись, поглощающим взором смотря в синие огромные глаза девушки и ощущая, как все его существо наполняется счастьем от ее присутствия. – Если позволите, мы отойдем чуток, – обратился Михайлов ко всем и, осторожно удерживая Дашу за локоть, потянул ее в дальний угол гостиной.

– Отойди, отойди, соблазнитель, – пошутил Платон и усмехнулся в усы.

И тут же получил злой недовольный взор-укор от Ильи.

– Дарья Сергеевна, вы сегодня еще прекраснее, чем вчера, – начал свою речь Михайлов.

Его молодое открытое лицо с добрыми карими глазами и светлыми завитыми вихрами, как и вчера, вызвало в душе Даши приятное теплое чувство. На вид Михайлову было не более двадцати пяти лет, он имел рост выше среднего, худощавую широкоплечую фигуру и отменную выправку. Взор молодого человека невольно утонул в больших глазах девушки, и Даша, смутившись, тихо произнесла:

– Вы хотели со мной о чем-то поговорить, Иван Федорович?

Даша краем глаз поглядывала на остальных молодых людей, собравшихся в просторной гостиной, и никак не могла понять, зачем ее пригласили в гостиную.

– Простите, Дарья Сергеевна, так вот какой компот, – начал вновь Михайлов, прокашлявшись. – Мы теперь с вашим братцем и сестрицей собрались на гулянье в парк к Разумовским. Там весело будет. Катания всякие и сладости, много народу, опять же. Почти все дворяне петербургские. Я бы очень хотел, чтобы вы тоже составили нам компанию.

– Я? – опешила Даша, явно не ожидая подобного предложения. Девушка еще не ездила ни на рауты, ни на приемы, ни на балы, как Лиза, и оттого предложение Ивана Федоровича застало Дашу врасплох. И тут же в ее голове мелькнула мысль о том, что она очень хочет поехать. Но она заметила, что в этот момент лицо Лизы выражало недовольство, а Илья как-то не по-доброму смотрел в их сторону. Потому Даша спросила: – А Илья Григорьевич не против, чтобы я

поехала?

– Нет, совсем нет. Это он велел за вами послать, чтобы ваше мнение спросить.

– Мне так приятно ваше предложение, подпоручик, – улыбнулась Даша в ответ молодому человеку. – Но могу я минуту подумать?

– Конечно, думайте. Однако ваша тетушка весьма желала, чтобы вы поехали с нами. Это она настояла, чтобы Илья позвал вас.

– Тетушка?

– Ну да, она сказала, что вам будет интересно.

– Раз так, Иван Федорович, я согласна, – кивнула Даша. – Только когда?

– Дак теперь. Мы, вас с Елизаветой Григорьевной ожидаючи, уже час здесь паримся.

– Ох, простите, – сказала Даша. – Я мигом, платье переодену и через четверть часа буду готова.

– Ну, вот и славно. Я очень рад, – улыбнулся ей во весь рот Михайлов и добавил: – Позвольте ручку, прелестница?

Даша вновь протянула ему руку, и после молодые люди вернулись ко всем.

– Она согласна! – воскликнул Иван так довольно и громко, что Илья даже поморщился.

– Согласна?! – переспросил он и вперил недовольный пронзительный взор в Дашу, как будто желая ее запугать.

– Да. Иван Федорович убедил меня, что там будет очень

весело, – ответила девушка.

– Вот и правильно, Дашенька, поезжай, милая, с сестрицей, – закивала довольно Марья Ивановна.

Илья с шумом выдохнул и мрачно заметил:

– Ну что ж, поехали. Только побыстрее собирайся. Мы на крыльце тебя ждать будем.

– Я уже бегу, братец, – звонко ответила Даша и выпорхнула из китайской гостиной.

Как Даша и обещала, она вылетела на улицу, спустя четверть часа. Все пятеро молодых людей ждали ее на крыльце и, едва лакей распахнул перед ней широкие двери, невольно устремили на нее взоры. Она быстро приблизилась.

– Надеюсь, я не заставила вас долго ждать, господа? – спросила Даша почтительно и улыбнулась.

Она увидела, как в глазах Ивана Федоровича зажглись радостные страстные огоньки, а на лице Лизы появилась кислая мина. Все молодые люди весьма эффектно смотрелись в своих парадных темно-зеленых мундирах, зеленых подбитых мехом камзолах и треуголках с опушкой. Самым высоким среди них казался Илья. Штуммер и Михайлов были на полголовы ниже Теплова. А Бибиков имел средний рост, и его треуголка находилась вровень со шляпкой Лизы.

Теплов стоял далее всех у балюстрады, и его инквизиторский взор пробежался по фигуре девушки. В новой темно-синей шубке, вышитой серебряными нитями с белой

опушкой, которая подчеркивала ее узкую талию и округлые бедра, Даша показалась молодому человеку невозможно изящной и притягательной. Юбка дорогого шерстяного платья девушки имела простой покрой и также была кобальтового оттенка. Темная шляпка в тон шубки с полями, подбитая мехом белого соболя, красиво обрамляла ее голову со светлыми прядями и закрывала лишь верхнюю половину волос. Простая прическа из косы, уложенной над шеей в затейливый цветок, придавала нежному лицу милое и утонченное выражение. Поняв, что будет мукой выносить весь день присутствие рядом этого прелестного создания, Илья тяжело вздохнул.

Платон подбадривающе улыбнулся Даше и заметил:

– Прелестница прямо! Теперь можно и ехать!

– Позвольте? – Михайлов немедля протянул ей локоть.

Даша кивнула и оперлась на предложенную руку. Даша лишь на мгновение заметила колючий взор старшего брата, как он тут же отвернулся от них и, протянув локоть Лизе, первым направился вниз по широкой каменной лестнице.

На улице стояла чудесная солнечная и неморозная погода, совершенно не свойственная петербургской зиме. У подножья лестницы их уже ждали двое открытых саней, широких, с меховыми покрывалами и кучерами на козлах. Илья подвел Лизу к первым саням, и она, поблагодарив брата, устроилась посередине мехового сиденья.

– Дмитрий Гаврилович, садитесь со мной! – скомандова-

ла Лиза и похлопала рукой в красной меховой перчатке по обивке.

– Благодарю! – воскликнул Бибииков, просияв, и занял место подле нее.

– Вы позади садитесь, – добавил Илья, обернувшись к остальным, и сел от Лизы справа.

Дашенька оказалась в компании Штуммера и Михайлова и весьма этому обрадовалась. Ибо хоть на некоторое время избавилась от неприятного колючего взора Ильи и злого завистливого взгляда сестры. Скрипя, сани полетели по талому снегу. Весь путь до поместья Разумовских, который занял около часа, Даша мило проболтала со своими попутчиками. Иван Федорович то и дело говорил ей комплименты, спрашивал ее мнения о разных вещах, а девушка со всей своей непосредственностью и учтивостью отвечала молодому человеку.

Штуммер много шутил, подтрунивал над товарищем и довольно ухмылялся, когда Даша вдруг заливалась негромким смехом после его очередной шутки. Она чувствовала себя раскованно и душевно, ощущала, что молодые люди действительно расположены к ней, и она им искренне нравится. Поэтому отвечала тем же и говорила с ними открыто, просто и вежливо. Михайлов все время невольно краснел под ее чудным взором, а Штуммер постоянно выдавал язвительные беззлобные замечания по любому поводу.

Когда они въехали в поместье Разумовских, было около

полудня. Здесь уже собралось множество народу. Богато одетые дворяне в меховых кафтанах с дамами в вышитых шубках, в шляпках и капюшонах, подбитых соболиным мехом, прохаживались в бескрайних садах Разумовских.

Лиза с Бибиковым и Тепловым уже вылезли на снег, когда вторые сани остановились около них. Штуммер первым ловко выпрыгнул на дорогу. А за ним и Михайлов, который галантно подал руку Даше.

– Я думал, у вас животы лопнут по дороге, – ехидно заметил Илья, отметив, что Иван прямо не сводит взора с лица Даши. – Вся округа слышала, как вы ржали, словно кони.

– Дак надо было к нам садиться, может, тоже повеселел бы, – улыбаясь, заметил Платон, хлопнув по плечу Теплова. – А то на лице у тебя такое выражение, словно помер кто-то.

Даша оказалась рядом с Ильей и улыбнулась ему, как и Михайлов. Впервые за эти сутки девушка оказалась на расстоянии вытянутой руки от Теплова, и он вмиг ощутил еле уловимый запах ее духов: сладкий, свежий и манящий.

Иван что-то шепнул Даше на ушко, и она, кивнув, ухватилась за его локоть.

– Догоняйте, мы к балаганам! – бросил через плечо Михайлов и поспешил со своей спутницей в сторону шумных красочных построек, где давали представление.

Всюду царило веселье. Посреди огромного дворцового парка Разумовских, в акватории небольшого пруда, кото-

рый замерзал зимой, был устроен круглый каток с прокатом скользких лезвий для всех желающих. По правую сторону от дворца стояли большие лотки с закусками, блинами, сладостями и напитками. Здесь же возвышались веселящие балаганы с петрушками, скоморохами и прочими развлечениями для публики. Между балаганами по центру широкой дорожки водили на цепи лохматого бурого медведя для потехи. С левой стороны от дворца находились высокие качели и карусели. А внизу парка были сколочены огромные деревянные горки, покрытые льдом, на которых все желающие могли прокатиться на расписных санях.

Дворец Разумовских, а именно, весь первый этаж был открыт для посещения. И гости, раздевшись при входе в специально устроенной гардеробной, могли обогреться и передохнуть в шикарных залах в тепле и комфорте. В левом крыле дома для богатой публики были оборудованы ванные и туалетные комнаты для дам, а в правом – для мужчин. В центральной части дворца в огромной столовой желающие могли расположиться за уютными столиками и за умеренную плату заказать себе обед и напитки.

Поначалу вся компания прогулялась среди шатров с петрушками и вдоволь насмотрелась на представления. Тут же молодые люди намахнули по паре рюмочек вина, закусывая их холодной осетриной в одной из лавочек, а девушки с удовольствием полакомились сладостями из засахаренных заморских фруктов, таких, как виноград и апельсин. Запив все ду-

шистым цейлонским чаем, который услужливо носили между гостями для согрева лакеи, гвардейцы вместе со своими дамами, дабы согреться, решили идти кататься на пруд. Едва молодые люди приблизились к круглому водоему, служившему катком, и дамы заняли специально обитые бархатом скамейки, как к ним услужливо подбежал лакей и осведомился:

– Доброго дня, господа! Желаете кататься?

– Конечно, милейший, – закивал Штуммер.

– Все кататься желаете?

– Все, все! – засмеялся Михайлов.

– Тогда позвольте осмотреть ножки дам?

– Это еще зачем? – удивился Бибиков.

– Так узнать надобно, какие полозья выбрать размером-то.

– Дак барышни наши наверняка знают свои размеры, ведь так? – заметил Илья, что стоял за сидящими девушками.

– Мне двадцать пятый впору, – сказала важно Лиза.

– А вам, барышня? – обратился лакей к Даше.

– Наверное, двадцать первый. Последние сапожки такого размера тетушка мне покупала.

– Мала ножка-то, но посмотрю, может, и есть что, – кивнул лакей. Молодые люди тоже сообщили свои размеры.

Уже через четверть часа компания дружно выкатила на лед. Почти сразу же очень хорошо получилось скользить у Даши. Ее легкая подвижная фигурка с прямой спиной выде-

лялась на льду, будто девушка давно умела стоять на скользких полозьях.

– Вот и наша прелестница! – воскликнул Штуммер, нагоняя ее на втором круге. – Откуда вы так скользить искусно умеете?

– Каждой зимой мы с Оленькой катаемся в царском парке, что неподалеку от нашей усадьбы, – рассмеялась Даша, оборачиваясь.

– А вот ваша сестрица, того и гляди свалится! – добавил Платон, ехидно ухмыляясь и показывая взглядом в сторону.

Даша чуть обернулась, как раз проезжая мимо неуклюжей тройцы, посередине которой находилась Лиза. Пухлая девушка никак не могла удержать равновесие и то и дело сильно отклонялась то назад, то вперед. Илья и Дмитрий с двух сторон пытались удержать Елизавету от падения и сами едва не падали от того, что девушка неуклюже хваталась за них.

Штуммер поехал дальше, а Даша нагнала Михайлова, который тоже плохо держался на ледяных полозьях. Поравнявшись с молодым человеком, она предложила:

– Иван Федорович, возьмите меня за локоть.

– Нет, благодарю, Дарья Сергеевна, неудобно мне, – отрицательно замотал головой Иван. – Я так неуклюж. Еще и вас свалю.

Даша понятиливо кивнула и поехала дальше.

Прошло около часа. Лиза, быстро устав, уже полчаса сидела на скамье у ледяного озера, а Бибиков подносил ей горя-

чий чай, чтобы девушка не замерзала. Штуммер, Михайлов и Теплов стояли рядом с ними и о чем-то оживленно спорили. Им уже наскучило это развлечение, и они ждали, когда накатается Даша. Девушка же уехала на другой конец озера, где было поменьше народу, и с удовольствием каталась по скользкому льду, позабыв об остальных. Это занятие так увлекло Дашу, что она потеряла счет времени. В какой-то момент она ощутила, как чья-то рука властно обхватила ее за талию. Она уже хотела возмутиться и резко обернулась.

– Дарья! Насилу догнал тебя! – раздался над ее ухом грозный баритон Ильи. Он катился по льду рядом, придерживая ее за талию, и пытался замедлить бег девушки. Даша притормозила, отметив, что Илья весьма умело ехал по скользкой поверхности и, видимо, ранее только из-за Лизы едва не падал, когда та держалась за него. – Ты разве не слышишь, как я кричу тебе?

Она отрицательно покачала головой, вконец остановившись и подняв на него глаза. Илья отпустил руку с ее талии и остался стоять в шаге от девушки.

– Прости, братец, я не слышала, – сказала она, улыбнувшись молодому человеку.

Ее прелестный манкий взор проник в самую глубину его существа, и Теплов, сглотнув ком в горле, сильнее нахмурился. Даша была так близко, что молодой человек отчетливо видел, как падающие белые снежинки ложатся на ее густые темные ресницы, переливаясь драгоценными капельками. В

этот миг девушка была так хороша, что Илья ощутил, что ему вовсе не хочется теперь отходить от нее. Но немедля в нем поднялся дух противоречия, и он почти грубо заметил:

– Лиза замерзла. Мы собираемся во дворец отобедать. Поехали! – скомандовал он. – Давай руку.

Он протянул ей широкую ладонь в перчатке. Даша послушно вложила пальцы в его руку, и Илья отметил, как мала ее узкая ладошка. Пытаясь даже не думать о том, что девушка находится так близко от него и что он держит ее за руку, Теплов, умело перебирая ногами, устремился на другой конец озера, где их ожидали остальные.

Каминные часы в огромной многолюдной столовой дворца Разумовских пробили три часа пополудни, когда услужливый слуга принес аппетитное жаркое, суп и другие лакомства, которые заказали молодые люди.

– Вина еще принеси, самого лучшего. Французского, на крайний случай аглицкого, – со знанием дела велел Штуммер. Лакей, низко клянясь, быстро направился в другой конец зала.

Молодые люди, нагуляв хороший аппетит на свежем воздухе, с удовольствием поглощали заказанные ароматные яства и говорили на разные темы. Платон много шутил, Михайлов то и дело зачинал новые темы для беседы, а Бибииков с важным видом рассказывал последние дворцовые новости и сплетни. Дашенька, обычно скромная и тихая, тоже немного

участвовала в беседе, а Лиза постоянно перебивая молодых людей, высказывала свое мнение по поводу всего, пытаясь быть остроумной.

Все шутили, смеялись и наслаждались непринужденной атмосферой. Единственным человеком, которому все это веселье было не по душе, был Теплов. Он сидел с угрюмым видом и упорно молчал. Напряженным мрачным взором молодой человек сверлил лицо Даши, сидящей напротив него, без шляпки, в простом платье кобальтового насыщенного оттенка. Он следил за каждым жестом девушки, за каждым ее словом, за каждым взглядом.

Илья видел, что Дашу как подменили. С самого утра, едва они выехали из поместья Тепловых, она явно ожила. Словно теперь она вылезла из своего закрытого кокона, в котором прибывала в их доме долгие годы, и сейчас перед ними предстала та самая настоящая Даша, которая в детстве была непосредственным, резвым ребенком. Веселая, разговорчивая, открытая, она искренне и тепло отвечала на вопросы, когда ее спрашивали, и иногда задавала вопросы сама. Она делала это так умело, тактично и мило, что Илья сразу отметил, что его семнадцатилетняя двоюродная сестра держится в обществе гораздо правильнее и искуснее, нежели развязная, глуповатая Лиза. Иногда Даша весело заливалась смехом, обнажая белоснежные зубки, и ее глаза начинали светиться радостью. Илье весьма нравилась эта новая Даша. Но гнетущие мысли о том, что она стала такой благодаря компа-

нии Михайлова и Штуммера, точили Теплова. Мрачное настроение никак не хотело оставлять его, Илья строго и осуждающе поглядывал на девушку и мечтал только о том, чтобы этот день поскорее закончился.

Он постоянно окидывал взором стройный стан Даши, ее красивое нежное лицо, светлые густые волосы и яркие притягательные очи. Молодой человек отмечал каждый взгляд девушки, брошенный ею на Михайлова. Илья уже заметил, что Даша, сидящая по правую руку от Ивана, была не прочь принимать ухаживания от подпоручика. Мало того, Илье казалось, что девушка всячески поощряет Михайлова своими улыбками, совсем не кокетливыми, а манящими и невозможно чувственными.

Ко всему этому в притягательном облике Даши было еще нечто такое, что невероятно смущало Теплова. Иногда он украдкой бросал горящий взор на покрытую темной тканью грудь девушки. По сравнению с узкими плечами, изящной спиной и тонкой талией эта нежная выпуклость весьма красноречиво выделялась на ее тонком стане. Как знаток, молодой человек сразу же определил, что грудь светловолосой прелестницы выросла настолько, что теперь имеет вполне аппетитный размер, который наверняка был впору его ладони. Она, хоть и была полностью укрыта платьем, все же не давала Теплому покоя. И уже вскоре молодой человек ощутил, как от тайного любования ее грудью его начали посещать страстные помыслы.

Уже к концу трапезы Илья поймал себя на мысли о том, что ему безумно хочется оказаться не просто на месте Михайлова, а вообще, побыть весь день только с Дашей. Лишь вдвоем. Только с ней прокатиться десяток кругов по заледенелому озерцу, покормить медведя у балагана, а затем посидеть вот так в теплом трактире, только вдвоем, вести задушевные беседы и как будто ненароком прикасаться к ее изящной талии и говорить ей на ушко всякие глупости.

– А что это Илья Григорьевич у нас весь день такой смурной, да и теперь мрачный сидит? – подшутил Штуммер, выпив очередную рюмочку вина.

– Конечно, у нас-то рядом красавицы-девицы, а ему что до них? Они его сестры, – подхватил Бибиков и поцеловал ручку Лизе. – Надо было еще какую другую девицу брать с собой так, Илья? Ты бы тоже повеселел.

– Прекрасная идея, Дмитрий! – воскликнул Иван. – На следующее наше гуляние я, надеюсь, смогу уговорить поехать с нами свою сестрицу Ксению. Она, знаете ли, за последние два года, что я не был дома, весьма расцвела. Прямягодка наливная.

– Скорее снежная королева, – съязвил Платон. – В последнюю нашу встречу твоя ненаглядная сестрица, Иван, даже ручку мне не позволила поцеловать.

– Дак разборчивая она, вот и все, – пожал плечами Михайлов. – Она девица на выданье. Знаешь, сколько к ней кавалеров сватается? Но пока никто не по нраву ей.

– Слушай, Иван, дак пошли сейчас за ней! – предложил Штуммер. – Она как раз через часок и придет сюда!

– Да, хорошая мысль! – воскликнула Лиза. – На прошлом балу мы с вашей сестрицей, Иван Федорович, очень мило беседовали. Может, хоть Илья повеселеет? Ведь будет и у него, за кем ухаживать.

– Решено! – воскликнул Иван и крикнул мальчишку, что подносил еду. Уже через пять минут, наскоро нацарапав сестре письмо, Михайлов передал его вместе с целковым парню и велел: – Снеси как можно скорее на улицу Т. в дом полковника Михайлова, его дочери Ксении Федоровне.

Глава III. Разлучница

После обильной трапезы молодые люди решили идти кататься с ледяных гор. Это было упоительное развлечение. В низине в парке Разумовских были залиты три горы для катания разной высоты. Самая большая, почти шесть саженей, возвышалась далее всех. У подножья ледяных гор специально для катания гостей стояли расписные сани-салазки, маленькие для спуска в одиночку и большие для катания парами. Можно было беспрепятственно взять понравившиеся сани и кататься без счета. На самой высокой горке была в основном молодежь. Молодые парни затаскивали большие сани на снежную гору по специальным широким лестницам, а потом сажали впереди себя девушку или другого парня, или вообще в одиночку с ветерком летели с высоченной горы вниз по ледяному склону в сторону леса.

Молодые гвардейцы с девушками выбрали именно эту гору, так как на средней и маленьких горках катались лишь дети да немолодые дворяне. Даша по ледяному склону спускалась по очереди то с Иваном Михайловым, то с Платоном Штуммером, а Лиза с Ильей или с Бибиковым.

Даше нравилось такое веселье. Михайлов очень хорошо управлял санями. Аккуратно, твердой рукой ухватив сидящую перед ним девушку за талию, молодой человек умело

в бешеном темпе скатывал сани с горы, увозя Дашеньку почти на самый край ледяной дорожки, что кончалась у леса. Платон тоже пару раз свез ее, но Даше не понравилось, так как во время спуска штабс-капитан все время шептал на ухо пошлости, говоря о ее красоте, и уж больно рьяно прижимал ее стан к своей груди. Оттого Даша как-то незаметно стала кататься только с Михайловым, который был вежлив и галантен и по-мальчишески смущался, когда она благодарила его за спуск. Даша видела, что Лиза катается то с братом, то с Бибиковым, и отмечала, что сестре нравится это веселье. Прошло уже более часа, и на горке стало много народу.

Илья ждал на вершине ледяной горы, чуть сбоку, стараясь не мешать катающимся. Тут на вершине появились Штуммер и Михайлов с двумя санями, что-то весело обсуждая. Увидев Теплова, который, видимо, ждал Лизу, друзья развеселились еще больше. Молодые люди присоединились к Илье, встав рядом со своими санями, и невольно загородили часть ледяной верхней площадки, где собиралась публика для спуска.

– И где же наши девицы? – заметил весело Штуммер.

– Вы будете ехать, господа? – раздалась сзади раздраженные голоса.

– Дак ежайте, – недовольно бросил им Теплов и, посторонившись, шагнул вбок. И одна из пар съехала. Однако за ними толпились другие. В этот момент на горе появилась Даша.

– Дарья Сергеевна, мы уж вас заждались! – воскликнул

Платон, протискиваясь вперед к спуску. – Со мной или с Михайловым изволите?

– С Иваном Федоровичем, наверное, – произнесла Даша, и тут позади началась толкотня.

– А где Лиза? – хмуро спросил Илья, который со своими санями стоял уже третьим к спуску после Михайлова и Штуммера.

– Она с Дмитрием Гавриловичем у горы о чем-то беседует, – ответила Даша.

– Господа, вы загородили весь проход. Съезжайте уже! – громогласно произнес негодующий мощный детина в богатом сюртуке красного цвета, который вылез вперед и стоял около Ивана.

– Сам езжай! Разве не видишь, мы девиц ждем, – задиристо выпалил Михайлов, садясь в сани, и обернулся к Даше, чтобы подать ей руку.

– А если они не придут совсем? – не унимался детина. – Поезжай, говорю!

Детина толкнул Ивана вперед, и тот нечаянно подтолкнул сани Штуммера вперед. Не удержавшись на склоне горы, Платон, уже сидящий внутри, полетел вниз по ледяному склону горы один.

– Да ты очумел, что ли, рябой?! – выпалил зло Михайлов и хотел уже встать из саней, чтобы проучить наглого верзилу, но Даша быстро приблизилась к Ивану и произнесла:

– Иван Федорович, не спорьте с ним, видите, как он агрес-

сивен.

– Давайте руку, – кивнул ей Михайлов. Даша уже была рядом с молодым человеком, но не успела сесть впереди, так как верзила вдруг подскочил к Михайлову, который теперь был первым к спуску, и со всей мочи толкнул сани Ивана вперед.

– И ты поезжай один! – выкрикнул злорадно парень. – Девка больно хороша для тебя!

Даша охнула, когда сани с Михайловым полетели вниз, и Иван был вынужден отпустить ее руку. От силы толчка девушка едва не покатила кубарем вниз с горы вслед за санями, но в последний момент ее удержали за талию чьи-то сильные руки. Смертельно напугавшись, Даша обратила ошарашенный взор на спасителя, который не позволил ей упасть с высокой горы. Аквамариновые глаза Ильи озарили ее ласковым светом, и он, все еще продолжая удерживать девушку за талию от падения, вымолвил:

– Осторожнее.

Даша судорожно сглотнула и кивнула. Теплов тут же властным движением отодвинул ее подальше от ледяного ската и, обернувшись к рябому верзиле, с вызовом пророкотал:

– Ты чуть барышню с горы не уронил, извиняйся немедленно!

– А хошь, и тебя с горы отправлю к дружкам твоим?! – выпалил зло верзила. И уже протянул руку к высокой фигуре Ильи, что стоял перед ним. Но в следующий момент получил

со всего размаху кулаком в челюсть. Сила удара Ильи была такова, что рябой парень в красном кафтане невольно осел на ледяную площадку, схватившись за лицо.

Толпа позади ахнула и начала жаться по сторонам, видя, что началась потасовка. Рябой попытался встать и угрожающе захрипел:

– Сейчас я пришибу тебя, окаянный!

Парню наконец удалось встать, и он вновь потянул руки к Илье. Теплов был такого же высокого роста, как и рябой парень. Но тот был более широк и имел фигуру, похожую на округлую бочку. Илья вновь размахнулся и врезал верзиле еще раз в живот и снова в челюсть. От этого рябой парень окончательно осел на ледяной пол горки и, сплевывая кровь, тотчас присмирел.

Илья угрожающе зыркнул в его сторону и вытянул свои сани вперед. Сев в них, молодой человек бросил призывный взгляд на Дашу, стоявшую от него в двух шагах и прижимающуюся к деревянному ограждению горки.

– Поехали со мной, Дарёна, – предложил ей Теплов подоброму и протянул девушке руку. – А то видишь, какой тут народ злой, того и гляди с горы уронят.

Даша не на шутку напуганная всей этой потасовкой, что устроил сначала рябой парень, а затем и Илья, испуганно кивнула, решив, что брат прав и оставаться здесь одной без защитника опасно. Она быстро приблизилась к Илье и ловко, приподняв подол юбки, уселась впереди, поставив ноги

на выступ. Немедля сильная рука Теплова обвила ее стан, и он крепко прижал девушку к своей груди. Молодой человек чуть поскользился ногами, приблизившись к краю, и тут же висок Даши опалился его горячим дыханием.

– Готова? – хрипло спросил Илья, ощущая, как ее сладкий аромат прямо врзался в его сознание, окутав с ног до головы. Соблазнительный тонкий стан девушки невозможно сильно прижимался к его груди, а его губы почти касались ее светлых волос и шляпки. И на секунду Илья потерял ощущение реальности.

– Готова, – кивнула Даша. Теплов, опомнившись, умелым движением толкнул сани, и они полетели с горы вниз. Даша, видимо, испугавшись, истоиво схватила за его руку, что опоясывала ее талию, и еле удержалась, чтобы не зажмурить глаза.

Илья же, летя по скользкому склону, совершенно не видел, что впереди. Ибо чудесный обволакивающий запах девушки и ее сладостная близость в тот миг вытеснили из его сознания все разумные мысли. Уже на середине спуска, не выдержав напряжения, Теплов все же не сдержался и приник горячими губами к волосам Даши возле шляпки. Ее неповторимый запах уже одурманил его окончательно, и гладкие мягкие волосы слились с его губами. В эти мгновения Илья прикрыл глаза, словно от сладкого блаженного чуда, и ощутил, что все его существо наполнено осознанием того, что вот она, эта недосыгаемая прелестница, наконец в его руках,

и он может тайком целовать ее золотые локоны.

Очнулся он от испуганного крика Даши:

– Илья!

Немедля распахнув глаза, молодой человек увидел, что они уже проехали середину горы, он правит сильно в сторону, и они вот-вот слетят вбок. Он тут же пришел в себя, вмиг отрезвев, и натянул веревку саней сильнее, а правой ногой начал выправлять сани в нужную сторону, но было уже поздно. Хотя Илье и удалось немного выправить ход, благодаря чему, они не слетели с горы раньше, все же внизу ледяного спуска сани, с силой выбив небольшое ледяное ограждение, слетели с горки и, въехав в большой сугроб, перевернулись набок.

Все произошло так стремительно, что Даша ничего не поняла. Она осознала, как поначалу они ехали с горы нормально. Но в какой-то миг рука Ильи отчего-то сильнее сжала ее, и девушка почувствовала, как молодой человек давит подбородком на ее волосы, опаяя ее висок горячим дыханием. Боясь обернуться к нему из-за бешеной скорости саней, девушка, замерев, лишь вцепилась в сильную руку и смотрела только вперед. В следующую секунду она увидела, что сани сносит вбок, и испуганно окликнула Илью, не понимая, отчего он не выправляет их ход. А через мгновение они попросту вылетели с горы, и Даша очутилась в ледяном сугробе по самую макушку.

Илья помотал головой и пришел в себя. Совсем близко он

увидел испуганное лицо Даши, она была вся в снегу и без шляпки. Осознав, что произошло, Илья попытался встать, но тяжелые сани, лежащие боком прямо впритык, придавили ему ногу. Теплов выругался и тут же, уперев руки в боковину саней, мощным движением перевернул их обратно, высвободив свою ногу. Обернувшись к девушке, он внимательно посмотрел на Дашу и тихо произнес:

– Ты не ушиблась?

Стянув перчатку, Теплов начал осторожно пальцами стирать с ее лица снег.

– Наверное, нет, – пролепетала она и попыталась встать. Илья проворно поднялся на ноги и помог девушке. Он начал осторожно стряхивать снег с ее светловолосой головы и плеч. А затем наклонился и, подняв Дашину шляпку, лежащую в сугробе, отряхнул ее и протянул девушке.

– Елки-палки! – раздался позади них голос Платона. Штуммер быстро приблизился к молодым людям. – Ну, ты даешь, Теплов! Чуть шею не свернул себе! Напужал, наверное, Дашеньку. Как вы, милая?

Платон начал отряхивать камзол Ильи и его темные волосы, что были все в снегу. Илья же нервно крутил лодыжкой, ощущая, что поставил синяк санями.

– Сносно, – ответила она, натягивая влажную шляпку на голову.

– Болит чего? – тут же участливо спросил Илья и впери в нее напряженный аквамариновый взор. Даша, по-доброму

посмотрев на Илью, улыбнулась и произнесла:

– Да нет, напугалась только сильно.

– Ну, это пройдет, Дарья Сергеевна, – подбадривающе заметил Штуммер, также осторожно отряхивая снежные комья с юбки девушки. – Вы, главное, больше с Тепловым не садитесь в сани, а то он, не дай Боже, еще чего вытворит! – как и обычно, в своей ехидной манере подшутил он.

– Слушай, Платон Николаевич, не нарочно ведь я. Сани сами понесли невесть куда, – пробубнил Илья в этот момент, ища глазами свою треуголку, подбитую мехом, и стараясь не смотреть на Дашу. Сильное, неприятное чувство досады точило Теплова, оттого, что он, как глупец, ошалев от близости девушки, потерял на миг все ориентиры.

– Вот вы где! – раздался за ними голос Михайлова. Увидев перевернутые сани, и то, как Платон отряхивал от снега шубку Дашеньки, а Илья, стоя по щиколотку в сугробе, вытаскивал свою треуголку из снега, Иван обеспокоенно спросил: – Случилось чего?

– Случилось, случилось, – произнес подбадривающе Платон. – Ну, все вроде, Дарья Сергеевна, весь снег смел. Илья Григорьевич не удержал сани и прямо в сугроб с Дашенькой слетел. Я как увидел это, прям испугался, думал, они в кровь разобьются.

– Дарья Сергеевна, с вами все хорошо, не ушиблись? – обеспокоенно спросил Михайлов, осматривая девушку с ног до головы.

– Все уже хорошо, Иван Федорович, – улыбнулась Даша, а затем обратила свой взор на Штуммера. – Платон Николаевич, прошу вас, давайте забудем об этом неприятном происшествии, – попросила она и, положив руку на локоть Платона, внимательно посмотрела на него. Штабс-капитан тут же растаял от ее прелестного синего взора и быстро заметил:

– Да я уже и забыл. Ничего не было.

– Извините, я отойду, – буркнул недовольно Илья, нахлобучивая свою треуголку на голову, и быстрым шагом направился к дворцу.

Платон и Иван проводили Теплова долгими взглядами, а затем Михайлов, обратившись к девушке, осторожно спросил:

– Вы теперь, наверное, не поедете более с горы?

– Почему? – удивилась Даша. – С вами, Иван Федорович, я не боюсь. Вы уж столько раз меня скатывали.

– Вот и славно! – поддержал Платон. – Однако сначала надо будет с тем рябым увальнем разобраться.

– Это уж точно, – кивнул Иван и, подставил Даше локоть. Удостоверившись, что девушка обхватила его руку, молодой человек направился снова к горе, подтягивая сани за собой.

– С ним уже Илья поговорил, – объяснила Даша.

– Поговорил? – обернувшись, переспросил Платон, который шел впереди со своими санями.

– Конечно же, нет, – рассмеялась звонко Даша, – Это я так назвала. Вообще-то, братец подрался с ним. Пару раз кула-

ком съездил по лицу, потому как этот огромный парень так и хотел нас с горы скинуть.

– Молодчина Теплов! – воскликнул Платон. – Вот теперь я прощаю его за то, что он вас, Дашенька, в сугроб завез! Молодец!

Молодые люди приблизились к ледяному склону. По дороге им повстречалась пожилая пара, и с ними русоволосая девушка с красивым лицом. Платон попросил спутников обождать и тут же чуть свернул в сторону.

– Матвей Михайлович, Варвара Гавриловна, дорого здоровья вам! – обратился учтиво Штуммер к пожилым людям в богатой одежде и снял шляпу, кланяясь. – Здравствуйте, Наталья Матвеевна, – добавил он, устремив цепкий взор на девушку.

– Здравствуйте, штабс-капитан, – кивнул ему в ответ дородный Матвей Михайлович. Дамы тоже кивками поздоровались с молодым человеком.

Даша и Иван почтительно остались стоять чуть в стороне.

– Не желает ли Наталья Матвеевна со мной с горы прокатиться? Я как раз пару ищу, – спросил по-простому Штуммер и призывно улыбнулся девушке, которая вмиг зарделась. Ее отец нахмурился, видимо, совсем не желая отправлять дочь на гору с этим гвардейцем, у которого на лице было написано лукавство и хитрость.

– Наташенька, ты хочешь? – обратилась к ней мать.

– Если можно, я бы прокатилась, – скромно ответила де-

вушка.

– Вот и чудесно! – воскликнул Платон и, вновь обратив взор на Матвея Михайловича, спросил: – Вы разрешаете, Матвей Михайлович?

– Идите, разрешаем! – рассмеялась Варвара Гавриловна и, взяв под локоть мужа, что-то начала шептать ему на ухо.

Платон понял, что мать девушки успокаивает Матвея Михайловича и убеждает в том, что Наташе надобно сходить покататься. Наташенька кокетливо улыбнулась Платону и, опершись на подставленный им локоть, поспешила с Штуммером к горе вслед за Михайловым и Дашей.

Вдоволь накатавшись с ледяных гор, молодые люди решили чем-нибудь подкрепиться у съестных шатров. Именно отсюда разливался на всю округу аппетитный запах блинов. Бабы-служанки, одетые в русские сарафаны и телогрейки, ходили между богато одетыми гостями и раздавали всем желающим жирные горячие блины.

Уже стало темнеть, и лакеи выставили на улице огромные факелы для освещения места гуляния. Для желающих согреться были сооружены огромные костровые бочки, топящиеся дровами, от которых шло тепло. Вновь повалил снег, покрывая округу.

Михайлов, Штуммер, Бибиков и Даша с Лизой как раз стояли у одной из таких бочек, греясь и весело обсуждая свои забавы, когда появился Теплов. Он вернулся в еще бо-

лее мрачном настроении, чем пребывал с утра. Колючий взор Ильи тут же пробежался по всем, и молодой человек занял место между девушками.

К ним подошла очередная баба с блинами, и Бибиков взял новую порцию, уже в который раз предлагая угощение Лизе. Илья, отказавшись от еды, громко сказал, что, наверное, пора ехать домой. Молодые люди, проигнорировали фразу Теплова, с удовольствием поедая вкусные блины, кто со сметаной, кто с медом. Лиза согласилась наконец, но, попробовав, капризно заявила, что угощение невкусное.

– А вы не ешьте, Лизонька, нам больше достанется, – усмехнулся в усы Штуммер. Михайлов и Даша оценили его шутку и заулыбались.

– Господа, я что-то совсем замерзла, – недовольно заметила Лиза. – Может, уже поедем домой, как предложил Илья?

– Вы, Лизонька, просто мало с горы катались, – подтрунивая над ней, заметил Платон. – Вот Дашенька накаталась вдоволь и не замерзла. Да и сейчас блинки с аппетитом ест.

– Ей-то, конечно, платья не жаль. Оно у нее старое. А мое привезено из Парижа, вдруг я его порву? – надулась Лиза.

– Ах, ну если с самого Парижу, то понятно, – как-то ехидно добавил Штуммер.

– Не время ехать еще, – заметил Иван. – Как совсем стемнеет, фейерверки будут. Разумовский обещал большую иллюминацию и залпы разноцветные.

– Что ж вас, Лизонька, Бибиков не согрел, когда вы у горы

с ним стояли? – не унимался Платон.

– Дак как же я могу? – начал недоуменно Бибииков.

– Ты что ж, Дмитрий, неужто об объятиях подумал? – тут же усмехнулся Штуммер.

– И не думал я, – набычился Бибииков.

– Думал, думал, – рассмеялся Михайлов, который подавал очередной блин Даше.

– Я Бибииков, намекал на то, что ты мог Елизавету Григорьевну во дворец сопроводить, – усмехаясь в усы, заметил Штуммер, откусывая кусок сладкого блина. – Там и тепло, и комнаты для отдыха имеются.

– Ах, какая хорошая мысль, – воскликнула Лиза. – Может, и вправду, Дмитрий Гаврилович, проводите меня до дворца? Я чуток отдохну до иллюминации.

– Как вам будет угодно, сударыня, – поклонился Лизе Дмитрий.

– Конечно, проводи, – кивнул Платон с каким-то тайным намеком. Когда Лиза и Бибииков направились ко дворцу и уже не могли слышать их, Штуммер, прожевав очередной кусок, добавил: – Надеюсь, они не заблудятся в комнатах для отдыха, а то не дай Бог пропустят иллюминацию.

Михайлов рассмеялся, поняв намек Штуммера. А Даша, почти не слушая молодых людей, маленькими кусочками откусывала второй блин. Илья стоял молча и никак не реагировал на шутки друзей. Он не участвовал в разговорах и не ел, а лишь хмурился. Даша то и дело ловила на себе колючий

взор Теплова, стоящего рядом справа от нее. И девушку не покидало ощущение, что он винит ее в чем-то. Она старалась не замечать недовольства старшего брата и макала горячий блин в чарочку с медом, которую услужливо держал перед ней Михайлов, стоявший с другой стороны.

В очередной раз обмакнув блин в мед, девушка с удовольствием откусила его. Часть меда потекла по ее губам, и Даша уже хотела облизать сладость, но Иван мгновенно среагировав, занес над ней свою руку с платком.

– Позвольте, Дарья Сергеевна, я вам медок с губки вытру, – произнес над ней Михайлов и осторожно кружевным платком начал промокать губы девушки. Это не укрылось от цепкого взора Теплова, и тот с недовольством заметил:

– Иван Федорович, по-моему, ты переходишь границы!

– Отчего же? – ухмыльнулся ему в ответ Иван и, вновь обратив ласковый взор на девушку, спросил: – Еще блинок?

– Да, я бы съела еще один, спасибо, Иван Федорович, – ответила Даша.

– Я сейчас, мигом! – кивнул Михайлов и умчался за очередной порцией, чуть не сбив с ног Штуммера, следившего в этот момент за веселой забавой с медведем.

– Осторожнее, бешеный! – пожурил его, смеясь, Платон, когда Иван нечаянно толкнул его в бок.

Даша проглотила последний кусок блина и довольно заулыбалась. То вино, которым только что угощал ее Михайлов, с непривычки уже ударило ей в голову, и девушкой в эту

пору владело веселое шутливое настроение. Заметив быстрый темный взгляд Ильи, направленный на ее губы, Даша неожиданно улыбнулась брату и, решив подшутить над ним, вымолвила:

– Зря ты, Илья, отчитал Ивана Федоровича. И теперь так грозно смотришь, будто сам хотел вытереть мне медок с губ.

Она тут же увидела, как лицо Теплова побледнело, а в глазах молодого человека зажглись угрожающие огоньки. Но Даше в этот момент было очень весело и хорошо. И в ответ на темный недовольный взор брата она лишь ласково улыбнулась.

Заслышав фразу девушки, Платон обернулся к ним и громко засмеялся:

– Ну что, уела тебя сестрица, а, Илья? Правильно, не будь таким смурным! Веселись!

В следующий миг Илья приблизился к Даше вплотную и стремительно наклонился к ее ушку. Он почти притиснул губы к виску девушки и четко прошептал:

– А что, если и впрямь я сам хотел? Да только не платком стереть, а губами...

Кроме Даши, никто не услышал его фразы.

В этот момент вернулся Михайлов. Еще приближаясь, Иван заметил, как Теплов что-то говорит сестре на ухо.

Илья быстро выпрямился, а его глаза сузились. Даша отчетливо увидела, как взгляд молодого человека красноречиво остановился на ее губах. Улыбка мгновенно исчезла с хо-

рошенького лица девушки, а ставший вмиг напряженным синий взор ее заметался по лицу Теплова, как будто она не желала понимать фразу, которую он сказал. Она побледнела и тихо произнесла:

– Простите, господа, мне надо отлучиться ненадолго.

Проворно отвернувшись от молодых людей, девушка стремительно направилась к дворцу, намереваясь немного побыть в одиночестве.

– Что ты такого ей сказал? – нахмурился Иван, держа в руке горячий блин на тарелке.

– Дак гадость какую-то, похоже, – колко заметил Штуммер. – Раз у нашей раскрасавицы все настроение пропало. Видимо, хочет, чтобы она тоже, как и он, сычом хмурым стояла и гуляние нам портила!

– Да отстаньте вы! – буркнул Илья, следя за удаляющейся стройной фигуркой Даши. Теплов повыше поднял воротник мундира, в душе довольный тем, что наконец испортил ей веселье.

Даша поспешно вошла в просторную туалетную комнату в левом крыле дворца, одну из тех, которые были открыты для дам. Затворив дверь, она прислонилась к стене. Закрыв глаза, девушка ощутила, как до сих пор ее переполняет неприятное чувство испуга и непонимания. В первый миг, едва она осознала смысл фразы Ильи, девушке подумалось, что Теплов шутит. Но по твердому взору молодого человека Даша

поняла, что это не так. А последующий взгляд его, направленный на ее губы, добавил уверенности в том, что он говорил искренне. В ту секунду дурман от вина мгновенно вылетел из ее головы, а по спине пробежала неприятная холодная дрожь.

Слова, которые сказал ей Илья, не укладывались в голове Даши. Нет, он не должен был этого говорить. Эту фразу он мог сказать любой другой девице, если хотел. Но только не ей, его сестре. Ведь слова молодого человека красноречиво говорили о том, что она нравится ему как девушка. Но Даша не была обычной девушкой. Она была сестрой Теплова. И именно это осознание терзало теперь ее существо. Как он мог такое сказать? Да и зачем? Словно специально, чтобы смутить ее, запутать и унижить.

Следующая мысль заставила ее похолодеть. А может, она действительно нравится Илье как девушка, а не как сестра? Немедля ее память воскресила весь сегодняшний день. И она с ужасом вспомнила, что за сегодня не раз ловила длинные темные взгляды молодого человека на своих губах. Конечно же, Даша не придавала им значения, ибо Илья был ее братом, мало ли куда он может смотреть? Но сейчас она начала по-другому истолковывать его взоры. И прошептала сама себе:

– Это просто нельзя осознать и понять. Так не должно быть. Может, мне это слышалось? Или не слышалось?

Неожиданно Даша вспомнила случай в Купальную ночь у реки. Что тогда ей сказал Теплов? Что покажет, что надо де-

лать... покажет, что должно происходить между мужчиной и женщиной? Да, Даша отчетливо это вспомнила. И лишь сейчас поняла до конца смысл той гадкой фразы, которую сказал Илья у реки.

То есть сегодняшний случай был уже не первым. Это она по своей наивности забыла тот эпизод. Но уже тогда Илья позволял себе говорить с ней намеками на интимную близость между мужчиной и женщиной. И именно за это получил пощечину в тот раз у реки. Мысль эта была настолько ужасающе правдоподобной, что девушка задрожала всем телом от ледяного озноба.

Она окончательно сникла, и ей безумно захотелось домой. Ибо от всех умозаключений ей стало не по себе и отчего-то совсем не хотелось сегодня более видеть Илью. Чтобы хоть немного отвлечься от мучительных дум, девушка набрала воды в ладони, решив умыться, чтобы хоть немного остудить свое разругавшееся лицо.

– Боже, это просто какая-то жуткая комедия, – прошептала Даша сама себе, вытираясь мягким полотенцем.

Грациозно проплывая среди богато одетой шумной публики темноволосая красавица в ярком изумрудном муаровом платье и меховой серебристой шубке, приблизилась к молодым людям. Лиза и Бибииков, уже вернулись из дворца и звонко смеялись, как и Михайлов, над очередной шуткой Платона.

– Братец? – окликнула красавица высокую фигуру Михайлова. И Иван, резко обернувшись на ее мелодичный голос, воскликнул:

– А вот и моя дорогая Ксения!

Штуммер и Теплов, стоявшие рядом, также обернулись к высокой изящной девице в изысканной модной одежде и поклонились.

– Моя сестра, Ксения Федоровна, – представил девушку Михайлов. – С Елизаветой Григорьевной, Дмитрием и Платоном ты знакома, – добавил он, затем указал на Илью. – А вот с поручиком Тепловым, наверное, еще не встречалась.

– Позвольте ручку, любезная Ксения Федоровна? – зачарованно попросил Платон Штуммер, устремив заискивающий взгляд на темноокою красавицу.

– Теплов Илья Григорьевич, к вашим услугам, – галантно представился Илья и снял треуголку с темноволосой головы.

Ксения проигнорировала просьбу Штуммера, не подав ему руки, и, стремительно переведя заинтересованный взор на поручика, пробежалась по статной широкоплечей фигуре молодого человека цензорским взглядом черных глаз. Эффектный высокий красавец Теплов с гордым профилем, прямым носом, высоким лбом и твердыми скулами вызвал живой интерес у девушки. Ее взор прямо прилип к ярким большим глазам Ильи, и Ксения сама протянула Теплову ручку для поцелуя.

– Очень приятно познакомиться, Илья Григорьевич, –

проворковала Михайлова и даже позволила себе улыбнуться.

Теплов церемонно наклонился и быстро, легко чмокнул тонкую кисть в кружевной перчатке. Снова выпрямившись, молодой человек, прищурившись, пару раз пробежался взглядом по стройному стану Ксении.

Илья давно знал о том, что сестра Михайлова, Ксения, слыла одной из первых красавиц Петербурга. Но за все свои немногочисленные посещения дворцовых балов и прочих раутов Теплов ни разу не встретился с нею. Девятнадцатилетняя Ксения, высокая, стройная, имела грациозную, осанистую фигуру. Ее лицо, бледное, с колоритными темными глазами, яркими губами и смоляными вьющимися волосами, было изысканно красиво. Совершенно не похожая внешне на своего старшего брата-блондина, имеющего славянскую внешность, девушка скорее походила на испанку или турчанку.

После беглого осмотра Илья тут же признался себе, что Михайлова не в его вкусе. Было в этой девице что-то от ведьмы. Или черные блестящие фосфорическим светом глаза или волнистые волосы ее навели Теплова на эту мысль, но он мгновенно сделал вывод – Ксения совсем не нравится ему. Она была слишком тощей, с плоской грудью, иссиня-бледным лицом без румянца, с холодным опасным взором, словно лезвие клинка. Он отчетливо осознал, что она привыкла не только к поклонению мужчин, что выжалось

во всей ее надменной жеманной позе, но и к тому, что можно не просто не обращать на своих поклонников внимания, но и унижать их. Именно так она поступила сейчас с Штуммером, которому не только не подала руку для поцелуя, но даже не взглянула. А Илья прекрасно знал, что Платон неровно дышит к этой ледяной королеве.

– Иван, ты ни разу не говорил, что среди твоих друзей есть такой бравый офицер, – сделала умелый комплимент Ксения и, заметив на груди молодого человека вышитый знак отличия, добавила: – О, я вижу у вас награды? Вы, видимо, так же храбры, сударь, как и красивы?

Вновь улыбнувшись Илье, Михайлова сделала к нему пару шажков и осторожно провела кончиками пальцев по матерчатой искусно вышитой звезде на меховом мундире Теплова. Ксения тут же отметила, что он отменно высок, и рядом она не кажется такой уж длинной, доставая макушкой до середины уха молодого человека. Это наблюдение возбудило девушку еще сильнее, и она вновь оглядела рослую мужественную фигуру Ильи. Гораздо шире в плечах, чем ее брат, с мощными ногами, сильной шеей, крепкими руками, он произвел невероятное впечатление на красавицу. Она пробежалась глазами по его широким ладоням с длинными сильными пальцами, гордым крыльям носа и остановила взор на красиво очерченных губах.

– Вот это компот! – воскликнул Штуммер, опешив. Не удержавшись, Платон добавил: – Нашей королеве понравил-

ся Теплов! Не думал, что ей вообще кто-то может нравиться!

– Штабс-капитан, вы зря делаете ложные выводы, – быстро оборвала его Ксения, вдруг осознав, как она забылась, показав ненужным людям свой искренний интерес к Теплову. – Мне никто не нравится.

– Хорошо, хорошо, сестрица, не раздражайся, – примирительно заметил Михайлов. – А вот и наша драгоценная Дарья Сергеевна. Дашенька, мы здесь! – закричал Иван, помавав рукой девушке, что шла в их сторону.

Когда Даша приблизилась, она заметила, что среди молодых людей появилась темноволосая красавица. Она стояла рядом с Ильей и так грациозно, жеманно задирала свою головку, что Даша восхищенно подумала: это и есть сестра Михайлова. Ибо Иван Федорович чуть раньше рассказал ей, что Ксения первая красавица Петербурга. Даша приблизилась и поздоровалась с Михайловой. Иван представил ее сестре.

С первого же взгляда Даша не понравилась Ксении. Опытным взором Михайлова сразу же отметила необыкновенную красоту Даши. Ее синие обволакивающие глаза, светлые блестящие волосы и изящную округлую фигурку. Сразу же почувствовав в подошедшей девушке соперницу, Ксения холоднопато поздоровалась с ней. И, лишь когда Иван бросил небольшую фразу о том, что Даша – сестра Ильи Григорьевича, Михайлова позволила себе улыбнуться той и заметила: – О, Илья Григорьевич, у вас очень хорошенькая сестра. Теплов невольно окинул взглядом лицо Даши, желая удо-

стоверится, что с ней все в порядке, и она успокоилась после его слов. Разумом молодой человек надеялся на то, что девушка не придавала значения его словам, а его сердце, наоборот, уповало на то, что Даша поняла все, и, возможно, теперь взглянет на него чуть иначе, а не только как на старшего брата. Илья не успел ответить на слова Ксении, как в воздухе зажужжали фейерверки. Парк озарился множеством огней, и молодые люди, которые стояли парами, кроме Platона, подняли заинтересованные взоры вверх, разглядывая яркие вспышки.

Иллюминация продолжалась довольно долго. И впечатленные молодые люди заворожено молчали, следя за красочным действием. Но вскоре все начали непринужденно разговаривать друг с другом, комментируя яркие залпы фейерверков. В какой-то момент Ксения отвела Теплова в сторону от остальных для некоего разговора. Михайлов, тут же воспользовавшись моментом, пока Илья не обращал на них внимания, то и дело тайком целовал и гладил руку Даши и призывно смотрел в ее чудесные глаза.

– Вы, Илья Григорьевич, и нынче служите? – задала очередной вопрос Ксения, подняв на Теплова кокетливый взгляд.

– Да, – ответил холодно Илья. – Был тяжело ранен в прошлой летней кампании. Оттого у меня увольнение до весны.

– А знаете, я даже рада, что вы были ранены, поручик, – заметила Ксения.

– Рады? – опешил молодой человек.

– Да. Теперь вы имеете отпуск. И мы сможем видеться весь зимний сезон. Вы ведь намерены посещать все балы и приемы, которые устраиваются в Петербурге в эту пору?

– Наверное, – пожал плечами Илья.

Ксения стояла, словно на иголках. Притягательная близость и мужская сила Теплова не давали ей покоя. Девушке очень хотелось прижаться к молодому человеку, и чтобы он непременно поцеловал ее. Да, она знала его не более часа. Но уже за это короткое время Михайлова поняла, что Илья – ее мужчина. Мужчина, которого она так долго искала и так давно ждала.

– Могу я взяться за ваш локоть, Илья Григорьевич, тут очень скользко? – придумала предлог девушка.

– Извольте, – вежливо ответил Илья и подставил ей согнутую руку. Ксения схватилась за его локоть ладонью и приникла к молодому человеку как можно ближе. Ее юбки почти скрыли его высокие ботфорты. Теплов отметил, что Ксения ведет себя чересчур напористо, но промолчал. Раздались новые залпы, и Илья задрал лицо вверх, пытаясь рассмотреть все полностью. Позади них раздался громкий смех, и Теплов произвольно повернул голову в сторону.

Штуммер, Даша, Иван, Лиза и Дмитрий весело над чем-то смеялись, и было видно, что они беззаботны и счастливы. Илья тяжело вздохнул и скосил взор на темноволосую девушку, которая практически висела на его локте. Поймав при-

звивный темный взгляд Михайловой, Теплов, тяжело вздохнув, отвернулся от нее и посмотрел вдаль, на новые залпы фейерверков. Нет, он совсем не желал теперь компании Ксении. Он мечтал о другом. Он хотел, чтобы Дашенька стояла рядом с ним и смеялась так же звонко, как сейчас в компании Михайлова и Штуммера. Илья жаждал видеть рядом живую, теплую, непосредственную, добрую, сладкую светловолосую прелестницу, а не эту холодную, надменную, жестокосердную темноволосую красавицу-царицу. В этот миг Илья был единственным человеком в этой веселой компании, кто был несчастлив.

Когда фейерверк закончился, Ксения кокетливо и призывно улыбнулась и спросила:

– Мне пора, уже слишком поздно. Вы не проводите меня домой, Илья Григорьевич?

Теплов замялся, подбирая более мягкие слова для отказа. Прокашлявшись, он громко сказал:

– Наверное, нет, Ксения Федоровна. Мне сестер надо до дому сопроводить. К сожалению, я не смогу составить вам компанию.

Негодующий взгляд красавицы пронзил лицо Теплова. Ксения демонстративно убрала руку с локтя Ильи.

– Что ж, тогда прощайте, – сказала Михайлова холодно-вато и, бросив последний колкий взор на Илью, отошла к остальным.

Штуммер, который стоял ближе всего к Илье и Ксении,

ненароком услышал их последние фразы. Едва Михайлова отошла от Ильи, Платон быстро приблизился к Теплову и стукнул друга по плечу.

– Ты что, ополоумел, Теплов? – выпалил нервно Штуммер и процедил другу на ухо: – Такая красавица сама просит проводить ее, а ты кобенишься?

– Слушай, Штуммер, по нраву тебе Ксения Федоровна, так и провожай, – отрезал Илья.

– Ежели бы она только захотела! Она не пожелает пойти со мной, – удрученно заметил Платон.

– Так ты поменьше крутись рядом да льстить ей прекрати, может, и захочет.

– Как это?

– Все просто. Ты думаешь, она ко мне чего липнет-то? Я на нее совсем внимания не обращаю, вот ей и интересно. А ты из кожи вон лезешь, чтобы понравиться ей, вот она и холодна с тобой.

– Неужели дело говоришь, Теплов? Надо проверить, – произнес, задумавшись, Платон.

Отойдя к брату и Даше, Ксения от обиды поджимала губки. Она нервно размышляла, как ей отомстить этому холодному оболъстительному Теплову, который не только не клюнул на ее прелести, но и позволил себе пренебрегать ею. Где-то в глубине души Михайлова чувствовала, что Илья такой же, как она. Что он холоден, циничен, надменен и, непременно, уверен в своей неотразимости и живет с мыслью о том,

что все должно крутиться у его ног, а если этого не происходит, тогда пусть все летит в тартарары.

Они с Тепловым словно были королями в этой обыкновенной жизни и могли позволить себе выбирать окружение: слуг, лакеев, друзей и, конечно, возлюбленных. Им все подвластно, и этим они были очень похожи, так считала Ксения. Именно поэтому Теплов и она должны быть вместе, сделала в итоге вывод Михайлова. Поскольку только она, Ксения, могла понять душу Теплова. И только он, этот величественный непревзойденный красавец-король, был достоин ее. Но Илья, видимо, еще не осознал того, что они созданы друг для друга, а Ксения поняла это с первого взгляда, едва взглянула в пленительные аквамариновые глаза молодого человека.

Она окинула опасным взглядом две парочки: Ивана с Дашей и Бибикова с Лизой. Обе девушки были сестрами Ильи. И тут в хорошенькой голове Михайловой созрел дьявольский план. Отомстить Теплову за его холодность, обидев одну из его сестер. Дашу Ксения решила не трогать, потому что ею был увлечен Иван. А брата хоть немного, но Ксения все же любила. Оттого жертвой для ее мести стала Лиза.

Михайлова медленно приблизилась к Дмитрию и Лизе и, призывно улыбнувшись Бибикову, спросила:

– Можно переговорить с вами, прапорщик? Наедине.

Ксения прекрасно знала, что Бибиков уже давно безответно влюблен в нее, потому в словах молодого человека не сомневалась. Дмитрий умолк и как-то затравленно взгля-

нул на темноволосую красавицу, которая не спускала с него властного взора. Он быстро извинился перед Лизой и отошел вслед за Ксенией.

Иван и Даша, что стояли рядом, увидев это, переглянулись. Штуммер все так же спорил о чем-то с Ильей в стороне. Не прошло и пары минут, как Дмитрий Гаврилович вернулся к молодым людям, а Михайлова так и осталась поодаль. Не смотря на Лизу, которая так и стояла в недоумении, Бибииков глухо, но четко произнес:

– Ксения Федоровна устала. Я отвезу ее домой. Прощайте, господа!

Дмитрий немедля развернулся и стремительным шагом направился к темноволосой красавице. В следующий миг глаза Лизы наполнились слезами, так как все понимали, что ей нравится Дмитрий, поскольку весь день они провели вместе. И до этого никто из молодых людей и не сомневался, что прапорщик непременно поедет провожать старшую Теплову. Даша заметила слезы сестры и нахмурилась. Лиза быстро отвернулась ото всех и, отойдя, достала кружевной платочек, утирая хлынувшие слезы.

Михайлов, мрачно смотря на удаляющуюся парочку, Бибиикова с сестрой, недоуменно заметил со вздохом:

– Бибииков-то ей зачем? Не могла мне сказать, что желает уехать, я бы проводил ее. Ведет себя опять вызывающе, впрочем, как и всегда.

– Бедная Лиза, – прошептала Даша.

– Действительно, нехорошо вышло с Елизаветой Григорьевной, – тихо заметил Иван, наклоняясь к ней. – Но обещаю вам, Дарья Сергеевна, как только вернусь домой, я строго поговорю с сестрицей.

– Благодарю, – прошептала она и улыбнулась Михайлову. – Вы очень понятливы, Иван Федорович.

Штуммер и Илья отметили, что Ксения ушла вместе с Дмитрием, и, приблизившись к молодым людям, Платон с удивлением спросил:

– А отчего Бибииков с Ксенией ушли?

– Он до дому ее поехал провожать, – ответила Даша.

– Вот дьяволица, – невольно выплюнул Штуммер и хмуро взглянул на Михайлова. – Прости, Иван, но скажу, как есть. Твоя сестрица – это сущий компот! Меня в упор не видит. На Илью так и вешалась весь вечер. А уехала с Бибииковым, который, видимо, у нее на коротком поводке вместо собаки, – добавил он уже зло. – Хорошо еще, что ты ее брат, а то и с тобой она тоже чего-нибудь вытворила бы.

На этот недовольный монолог Штуммера Михайлов промолчал и, лишь печально вздохнув, мрачно посмотрел на Платона.

– Платон Николаевич, вы очень зло говорите, – пожурила его тихо Даша.

– Вы, Дарья Сергеевна, еще слишком юны и наивны, чтобы понимать ее игры, – обратился к ней по-доброму Платон. – А лучше уж их совсем не видеть, так спокойнее.

– Поедемте тоже домой, – предложил громко Илья, подходя к Лизе и обнимая ее за плечи. – Все устали.

– И правда, поедemте, – кивнул Михайлов.

Молодые люди покинули заснеженный парк Разумовских уже после семи. Илья, оставив компанию ждать у чугунных ворот, вышел на широкий бульвар, где толпилось множество саней, поджидавших многочисленных гостей, которые потихоньку покидали усадьбу. Теплому удалось нанять теплые сани с печкой, но в них было мало места. Оттого было решено, что девушки поедут в закрытых теплых санях. А молодые люди втроем последуют сзади в открытых.

Итак, уже спустя четверть часа вся компания, не считая Бибикова и Ксении, которые уехали чуть ранее отдельно, направилась домой к Тепловым.

Поначалу молодые люди в открытых санях ехали молча. И каждый думал о своем.

– Ох, Илья Григорьевич, что за прелесть это твоя сестрица, Дарья Сергеевна! – заметил вдруг Штуммер, едва они проехали версту. – Весь день хотел тебе об этом сказать.

– Угу, – кивнул Илья, не смотря на друга. Теплов думал о том, что этот долгий напряженный день уже заканчивается, и он наконец-то будет избавлен от общения с этой прелестницей, которая весь день не просто задевала его за живое, а, как заноза, сидела в мыслях и то и дело маячила перед ним своим соблазнительным видом.

– Глазищи-то у нее прямо так и горят сапфировыми ка-

менями, – продолжал Платон. Он был уже довольно пьян, и его тянуло на разговоры. – А фигурка-то как хороша.

– А по мне, так из всех прелестей Дашеньки, – тут же в разговор включился Михайлов, – лучшее ее достоинство – нрав: спокойный, веселый, ласковый и нежный. Уж больно мне по сердцу такие девицы. Да и не встречал я таких, как она. Особенная она.

– Ничего особенного я не замечал в ней, – пожал плечами Илья недовольно. – Вам вино в голову ударило, вот и все. Вам теперь даже жена трактирщика красавицей покажется.

– Ну не скажи! – возмутился Платон. – Ежели бы ты сам поболее общался, а не сторонился ее, как чумной, тоже бы разглядел, какая она завидная краля.

– Да уж и умна, и красавица, а как зальется смехом, словно колокольчик звенит, – добавил с нежностью в голосе Иван.

– По мне и Лиза не хуже, – заметил колко Илья, желая перевести разговор в другое русло, ибо восхваление его друзьями прелестей Даши действовало Теплову на нервы.

– Ну не скажи! – опять повторил Штуммер. Он замялся, и, чтобы продолжить мысль, ему пришлось сосредоточиться. – Ты, конечно, прости меня, Илья, но Лизавета твоя уж до того развязна да ветрена, что пора бы тебе, как старшему брату, ее образумить.

– Что это еще значит? – нахмурился Илья.

– Верно Платон говорит, – кивнул Михайлов. – Я сам видел, как во время иллюминации она позволила Бибикову се-

бя дважды поцеловать. И притом в губы!

– И я это видел. Стоял от них в двух шагах, – поддакнул Платон.

– А ведь они знакомы всего-то сутки! – добавил Михайлов. – Это совсем неприлично.

После этих заявлений друзей Илья помрачнел, а про себя подумал, что действительно надо строго поговорить с Лизой. А еще – с Бибиковым и выяснить, намерен ли Дмитрий жениться на его сестре? Если нет, то более в их дом допущен не будет. Ведь Илья прекрасно знал, что девицу, лишившуюся девственности, потом вряд ли кто замуж позовет. А если Лиза будет продолжать отношения с Дмитрием в том же духе, то и до постели недалеко.

– Понял я. Спасибо, что сказали, – буркнул Теплов.

Молодые люди на некоторое время замолчали, как вдруг Михайлов спросил:

– А что, Дарья Сергеевна с кем-то обручена?

– Нет, – нахмурившись, вымолвил Илья и повернулся к Ивану, сидевшему рядом.

– А если я предложение ей сделаю? Да замуж за себя позову? Ты на это как смотришь, Илья Григорьевич? – сказал громко и твердо Михайлов.

– Вот так компот! – воскликнул Штуммер. – Неужто ты влюбился, Михайлов?

– Может, и влюбился, – нахмурился Иван. – Разве не имею права?

– Да имеешь, конечно, – сказал хитро Платон. – Но ты знаешь-то Дарью Сергеевну всего один день.

– И что из того? – с вызовом заметил Михайлов. – Я ее, едва увидел, сразу же понял, что любить мне ее суждено навечно.

– Во как?! – рассмеялся Платон.

– Смешного ничего не вижу, штабс-капитан, – угрожающе вымолвил Михайлов. – А ты, Илья, прямо скажи, будешь ли против нашего венчания с Дашенькой или нет?

Разговор принял странный оборот, к которому Теплов явно не был готов. Он, конечно, видел, что Даша нравится Михайлову. Но не думал, что до такой степени, чтобы Иван в первый же вечер заговорил о свадьбе.

– Ну что ты опять молчишь, как сыч? – окликнул Иван друга. – Ответ-то твой каков будет? Ты ведь старший в роду, тебе и решать.

– И о чем тут говорить? – хмуро ответил Илья. – Считаю, что предложение твое глупо.

– Отчего же? Объяснись! – выпалил Михайлов.

– Оттого, что Дарья бедна как церковная мышь, – умело соврал Илья. Теплов точно не знал, какое состояние оставили девушке покойные родители. Но помнил, что усадебный дом и пара деревень за ней имеются, и доход, хоть и небольшой, должен быть ей положен, когда она достигнет совершеннолетия. Так Марья Ивановна всегда говорила. Однако Илья решил прямо на корню пресечь все поползновения дру-

га в сторону Даши. – Живет в нашем доме из милости.

– И что же? – строго спросил Иван. – Разве у нее незнатное имя? Она не дворянка?

– Дворянка.

– И сестра же она тебе двоюродная по отцу, ведь так?

– Так, – кивнул невольно Илья.

– Этого достаточно, – сказал твердо Михайлов. – Я не сильно богат, но состояние у меня имеется. И нам с Дарьей Сергеевной хватит. А то, что она бедная родственница, только к лучшему, не будет сильно притязательна к деньгам. А уж за ее глазки яхонтовые да за характер ладный ей не то что бедность, но и другое простить можно.

– Не хочу тебя печалить, – вымолвил Илья, – Но матушка моя и слышать ничего не хочет о помолвке Даши до ее восемнадцатилетия. Она уже отвадила одного ухажера, – вмиг соврал Илья.

– А когда у Дарьи Сергеевны именины? – поинтересовался Михайлов.

– Двадцатого января.

– Так скоро уже. Вот что я тебе скажу, Илья Григорьевич, – сказал Михайлов и, выдержав паузу, твердо добавил: – Двадцать первого числа следующего месяца, как раз после именин Дашеньки жди меня к себе в гости. Свататься приеду.

– Ты уж точно решил? – пораженно спросил его Штуммер.

– Точно, – кивнул Михайлов. – Ну что, будем зятьями или

как? – и хлопнул по-дружески Илью по плечу. Теплов же в ответ лишь поморщился и как-то зло заметил:

– Слушай, Михайлов, я устал и сейчас не в настроении разрешать твои любовные амуры!

– Ладно, оставь его, Иван, – заметил желчно Платон. – Он сегодня сам не свой. Смурной весь день, даже не узнаю нашего весельчака и балагура Илью.

– Вижу сам, что сегодня его просто подменили, как бирюк весь день, – кивнул Михайлов. – И меня понять совсем не хочет. А что, если без твоей сестрицы мне покою не будет?

Илья же, отвернувшись от Михайлова, упорно немигающим взором смотрел на заснеженный пейзаж, пробегающий перед глазами, всем видом показывая, что более не расположен разговаривать на эту тему.

– Говорю же, оставь его, – опять по-доброму предложил Платон и дружески приобнял Ивана за плечи. – Ты мне лучше вот что скажи, Иван. Как так может быть? Есть две девицы, – Платон икнул и помотал пьяной головой, пытаясь сосредоточиться. – Так вот... одна из них разряжена в пух и прах, с декольте таким глубоким, что аж все прелести на стол вываливаются. А вторая, наоборот, закутана до ушей. Так вот на ту, что вся наголо, смотреть не хочется. А к той, что закрыта вся, взор так и липнет, прям к ее полной грудке, так и хочется стянуть с нее платье и полюбоваться, что там? А там наверняка очень даже прелестно, нежно да упруго, я так думаю.

– И не говори, Платон, – поддакнул ему такой же пьяный Михайлов. – Я тоже всю трапезу не мог от той самой грудки в темно-синем платье взор отвести.

– Господа! – взорвался недовольно Илья, наконец он осознал, о ком говорят его друзья. – Вы говорите о моих сестрах! Имейте приличие!

– Ой, простите, господин злюка! – воскликнул, рассмеявшись, Платон. – И что мы такого сказали? Разве не можем мы прелести женские восхвалять?

– Я запрещаю говорить при мне о моих сестрах в таком тоне! Вам понятно, штабс-капитан?

– Понятно, понятно, – проворчал Штуммер и окликнул кучера: – Эй, любезный! Останови вон у того трактира. Дальше мы сами, Илья Григорьевич, а то с тобой сегодня каши не сваришь!

Теплов высадил Штуммера и Михайлова у нужного заведения и велел ямщику ускориться, чтобы нагнать сани, в которых ехали девушки.

То и дело поглядывая на Лизу, Даша отчетливо заметила, что сестра опять вот-вот заплачет. Даша нахмурилась и, осторожно подбирая слова, спросила:

– Лизонька, ты из-за Дмитрия Гавриловича расстроилась?

– Нет, – зло отмахнулась от нее Лиза.

– Ну, я имела в виду, из-за того, что он с этой Ксенией уехал?

– Тебе-то что за дело? – огрызнулась та.

– Ты ведь сестрица мне, Лиза, – начала Даша ласково. – Я хочу сказать, чтобы ты не расстраивалась так. Прапорщику ты нравишься, я это точно разглядела. А Михайлова лишь мучает его.

Лиза тут же вскинула глаза на сестру и непонимающе спросила:

– Как это?

– Я думаю, эта Ксения не только его мучает, но и других мужчин. Роль у нее такая. Понимаешь? – как-то по-детски наивно, просто, но верно объяснила Даша. – Она с ним побалуется и отпустит от себя. Не нужен он ей. Ты же видела, она холодная, как лед, и не может любить. А он сразу же к тебе вернется и еще больше влюбится.

– Как же ты это поняла? – уже более спокойно спросила Лиза, икнув, смотря в доброе лицо сестры.

– Думается мне так. Он сравнит вас и, если не глупый, все поймет. Что ты полюбить его сможешь, а она никогда.

– А ведь ты правду говоришь, я смогу полюбить его, – кивнула вдруг Лиза.

– Я об этом и говорю. А Ксении этой он точно не нужен. Я видела, как она весь вечер только с Ильей нашим и говорила. Но не могу понять, отчего братец не поехал ее провожать?

– А с чего ты взяла, что я нравлюсь Дмитрию Гавриловичу?

Даша по-доброму звонко рассмеялась.

– Все это заметили, не только я. Если бы ты не по нраву ему была, он бы с тобой весь день не провел.

– Хоть бы было правдой то, что ты говоришь, – тихо заметила Лиза.

– Так и будет, сестрица, поверь мне.

Полночи Илья проворочился без сна. В его мыслях все всплывали события сегодняшнего бесконечно долгого дня, не давая ему расслабиться. Образ Даши, такой близкий, притягательный и прекрасный, не давал ему сомкнуть глаз. И Теплов все думал, думал и думал.

Наконец его сморил сон. Но и во сне ему не было покоя от нее. Ему снилось, что Даша убегает от него по цветущему лугу. В той самой прозрачной мокрой рубашке, что и три года назад на Купалу. Что он догоняет ее. И, подхватив ее легкое тело на руки, начинает целовать девушку в губы. Сначала она сопротивляется ему, но чуть позже Даша становится ласковой, и сама прижимается к нему всем телом. Он кладет ее на мягкую траву, и они любят друг друга. Долго, упорно и страстно...

Глава IV. Терзания

Санкт-Петербург, особняк Тепловых,
1774 год, 24 декабря

В то утро Илья проснулся с ясным осознанием того, что страстно влюблен.

Подобного душевного терзания с ним никогда ранее не случалось.

Сегодня поутру, едва придя в себя, Теплов сразу же подумал о Даше. О том, как вчера она была весела, притягательна, хороша, мила и разговорчива. Как неуклюже он пытался скрыть свой интерес к ней, как, словно мальчишка, не смог удержаться от поцелуя, украденного тайком на ледяной горе, и как в итоге, ошалеv от ее близости, прямым текстом заявил ей, что именно жаждет получить от нее.

Это чувство неожиданной влюбленности застало молодого человека врасплох.

Еще вчера Илья даже не предполагал, что такое может с ним произойти. Ибо еще никогда ни одна девица не вызывала в душе Теплова столько страсти, нежности, негодования и желания одновременно.

Подняв тяжелые веки, Илья тупо уставился в расписной плафон на потолке, а в его голове пульсировала одна-един-

ственная мысль о том, что он неистово, яростно влюблен в Дашу. Именно ее образ, яркие, огромные озера глаз, ее тонкий, сладкий стан, залиvistый смех, тихая чарующая улыбка, доброта, стеснительность и наивность стояли пеленой перед его взором, не желая покидать мысли.

Однако трагедия заключалась в том, что Даша была его двоюродной сестрой.

От досады он зло стукнул кулаком по подушке и, проворно встав с кровати, пробубнил:

– Вот напасть! Из всех девиц умудриться влюбиться именно в эту! В ту, которая никогда не сможет стать моей!

Но факт оставался фактом. Он был влюблен в собственную сестру, и выхода из этого мучительного положения Илья не видел. Отправившись в уборную, он долго умывался холодной водой, пытаясь найти хоть какое-то решение своей трагедии. Но, кроме того, что теперь ему, видимо, придется страдать, он ничего не нашел.

Выйдя из уборной, он начал медленно одеваться, напряженно размышляя, что ему делать дальше, а главное, как вести себя с Дашей. Он пришел к выводу, что следует избегать девушку и поменьше разговаривать с ней. И вообще, попытаться не просто выкинуть из души эту влюбленность, а с корнем вырвать эту кровоточивую занозу из своего сердца, так как Даша была его единокровной сестрой, дочью покойного дяди. Оттого все интимные отношения между ними, о которых он, как глупец, фантазировал вчера, не могут

быть реализованы в жизнь. Он прекрасно понимал, что эта связь может принести не только осуждение общества, но и болезненных, неполноценных детей.

Железная воля Теплова сделала свое дело. И, уже выйдя из своей спальни около восьми часов, Илья, взяв себя в руки и почти заглушив в своем существе страстные утренние думы, с бесстрастным выражением на лице спустился вниз к завтраку, который должны были подать через полчаса.

Когда молодой человек, уже достиг низа широкой мраморной лестницы, зазвонил входной колокольчик. Теплов остановился в парадной, желая узнать, кто это пожаловал в такую рань. Дворецкий отворил тяжелую массивную дверь и вошел мальчик-посыльный, в темном кафтане и штанах, держа в руках большую корзину благоухающих цветов. Лакей принял ее у посыльного и, поставив на пол, закрыл за мальчиком дверь. Тут же приблизившись, Теплов цензорским взором прошелся по большим бутонам бледно-розовых пионов и спросил:

– Кому?

– Для Дарьи Сергеевны, сказал мальчонка, ваше благородие, – ответил лакей.

Стремительно нагнувшись, Илья достал из цветов небольшое письмецо и, раскрыв его, бегло прочел короткие строки. Послание было от Ивана Федоровича. В нем Михайлов уверял девушку в своей горячей привязанности и обещался скоро навестить ее, чтобы поговорить об одном важном де-

ле. О каком важном деле хотел говорить с Дашей Иван, Теплов сразу же догадался. И его настроение мгновенно испортилось. Поджав от досады губы, Илья разорвал записку на четыре части и, небрежно сунув обрывки обратно в корзину с цветами, властно велел:

– Корзину в огонь. Чтобы даже следов не осталось. Дарье Сергеевне об этом не сообщать. И более цветов от подпоручика Михайлова не принимать. Ясно?

– Как прикажете, ваше благородие, – кивнул лакей и взял корзину в руки.

– Да и еще! Ежели приедет с визитом Иван Федорович, сначала препроводить его ко мне.

– Слушаюсь, барин.

С удовлетворенным и успокоенным сердцем Теплов прошествовал дальше в сторону столовой.

Как назло, там находилась одна Даша. Девушка сидела на маленьком диванчике, видимо, ожидая утренней трапезы и что-то вышивала, небольшое и светлое. Едва войдя, Илья сразу же наткнулся на сестру и напрягся всем телом. Но отступить было поздно. Девушка подняла на него глаза и по доброму улыбнулась ему одними уголками губ. Он заметил, как она проворно спрятала за спину вышивание, чтобы он не разглядел ее работу, и встала.

Обратив на Илью взор, Даша отметила, что сегодня поутру молодой человек был одет в белоснежную шелковую рубашку, легкий домашний камзол шоколадного цвета с золо-

той вышивкой и темные бриджи. На ногах его были туфли, что случалось довольно редко. Мрачный вид его, чуть растрепавшиеся буйные темные волосы и колкий взгляд невольно навели Дашу на мысль, что Илья плохо спал ночью.

Он медленно прошел в столовую, держа в голове единственную мысль – только бы не смотреть на нее.

– Доброе утро, братец, – поздоровалась с ним приветливо девушка.

Теплов был вынужден коротко глянуть и глухо ответил:

– Доброе...

Взглядом он, словно под каким-то странным гипнозом, нехотя прошелся по ее фигуре. Сегодня на Даше был серебристый наряд, цвет которого невероятно шел к ее синим глазам, оттеняя их и делая их оттенок еще сочнее. Простой покрой платья, как и накануне, эффектно обрисовывал тонкие плечи девушки, высокую полноватую грудь, осиную талию и покатость бедер. Ее волосы сегодня были уложены как-то иначе. На косой пробор, а с боков над ушами заплетены две косы и завернуты в толстые кольца на висках. Без единого украшения, лишь с маленькими серебряными сережками в ушах, она показалась Теплову невозможно юной, светлой и манящей.

Мгновенно утреннее намерение Теплова избегать ее улетучилось. И Илья, как влюбленный мальчишка, не мог оторваться от девушки, пробегая быстрым восхищенным взором по ее стройной, ладной фигурке и отыскивая все новые

притягательные черты в ее внешности. Даша молчала и как-то странно смотрела на него, словно не понимая, что не так. Уже через пару минут Илья поймал себя на том, что опять глупо глазеет на нее и вообще ведет себя как дурак.

Стремительно отвернувшись от нее и сжав до боли кулак, он несколько раз глубоко выдохнул. И тут в его хаотичные мысли впервые ворвалось осознание того, что в его теперешнем смехотворном, ненормальном состоянии виновата именно она, Даша. Это она этими своими чарующими глазами, сладкими улыбками и своей невинностью как будто специально соблазняла всех вокруг. Вчера в ее сети попался Михайлов и, как одержимый, пристал к нему вечером со сватовством. А теперь она, даже не осознавая этого, соблазняла его, Илью, совершенно не стыдясь того, что он ее брат. Гнев на девушку за ее невольное коварство, за ее флюиды, которые она расточала вокруг себя, ворвался в сердце молодого человека, и Теплов, вмиг обернувшись к ней, увидел девушку в другом свете – коварной соблазнительницей.

– Я хотел поговорить с тобой, Дарья, об Иване Федоровиче, – сказал молодой человек холодно, стараясь не смотреть в ее яркие очи.

– Да? – спросила тихо она и напряглась. Она знала, что, если Илья называет ее полным именем, значит, он или сердится на нее, или недоволен.

– Я очень обеспокоен тем, как ты ведешь себя с подпоручиком, – начал он и указал Даше на диванчик. Она вновь се-

ла. Он же, заложив руки за спину, начал нервно ходить взад-вперед по ковру перед девушкой, подыскивая нужные слова. – Вчера я не раз видел, как ты поощряла его ухаживания. Это недопустимо для благовоспитанной девицы.

– Но я ничего не делала непозволительного, – попыталась оправдаться Даша.

Резко остановившись напротив нее, Илья обратился к ней темный, полный недовольства взор и обвинительно вымолвил:

– А я так не думаю. Сколько раз ты каталась с ним с ледяной горы?

Даша нахмурилась, пытаясь вспомнить, и затем как-то неуверенно ответила:

– Раз десять-двенадцать.

– Вот! Двенадцать раз! И двенадцать раз он прижимал тебя к своей груди. Так?

– А как же иначе с горы ехать? – опешила она.

– Это еще не все, – не унимался Илья. – Вчера на катке он держал тебя за талию, так?

– Держался, чтобы не упасть, – промямлила она в ответ, не понимая, к чему он клонит.

– А затем он вытирал тебе губы.

– Но в этом нет ничего зазорного.

– А вы с ним даже не обручены! – констатировал Илья, и его взор стал жестче. – А чем вы занимались на иллюминации?

– Ничем, – пролепетала девушка, видя, что Теплов все сильнее распаляется.

– Как же! Поди, целовалась с ним тайком?! Я-то не видел, но наверняка это было!

– Не было этого! – воскликнула Даша уже нервно и вско-чила на ноги. На ее глазах вмиг заблестели слезы от обиды и несправедливости.

– Это еще надо проверить, и я спрошу у Ивана. Он муж-чина, с ним все понятно. Но ты, благовоспитанная девица, должна понимать, что такое поведение просто аморально!

– Но... – начала Даша, и Илья отчетливо увидел на ее гла-зах слезы. Но это разозлило его еще сильнее. Он понял, что теперь она хочет его разжалобить.

– Так вот! Твое недостойное поведение заслуживает нака-зания. Тебе запрещается выходить из дому, только на про-гулки в нашем усадебном парке да в церковь! Ты поняла? Никаких более раутов и прогулок с Марьей Ивановной по лавкам.

– А на каток и в общественный парк для гуляний я могу ходить? – тихо спросила она.

– Нет! – выпалил молодой человек уже зло.

– А кататься верхом?

– Если ты сможешь кататься верхом, не выезжая за терри-торию нашей усадьбы, пожалуйста.

– Но на таком малом расстоянии нельзя кататься вер-хом! – в отчаянии заявила девушка, и ей показалось, что

Теплов просто издевается над нею.

– Значит, обойдешься без верховых прогулок! – вынес вердикт Илья. Даша стояла от него в трех шагах, и молодой человек отчетливо видел, как ее синие, полные слез глаза стали почти чернильного цвета. Ее губки так трогательно тряслись, что он вдруг ощутил неистовый порыв – зацеловать ее в эти полные алые губы до потери сознания. Это осознание окончательно взбесило Илью, потому что осуществить это жгучее желание было нельзя, и он пророкотал: – Я все сказал! И только попробуй меня послушаться, увидишь, что будет!

Он невольно надвинулся на нее, и Даша в страхе замерла, увидев на его бледном нервном лице странное выражение, сочетавшее в себе боль и негодование. Глаза молодого человека горели темным и страстным огнем. Даша попятилась от него, ибо ей показалось, что он намерен сделать что-то ужасное.

В этот момент в столовую вошел слуга и громко сказал:

– Ваше благородие, приехал гонец из военного ведомства.

Угрожающе замерев в этот миг над девушкой, Теплов тут же напрягся и осознал, что в гостиной появился лакей. Обернувшись на вошедшего, Илья быстро спросил:

– Гонец?

– Да, ваше благородие, из военного ведомства, вас спрашивает.

Бросив последний злой взгляд-предостережение на Дашу,

молодой человек последовал за лакеем и уже через секунду покинул столовую.

Почувствовав некоторое облегчение оттого, что Илья наконец оставил ее в покое, Даша медленно осела на диванчик и, прикрыв лицо ладонями, расплакалась. Именно в этой позе застала девушку Марья Ивановна, вошедшая в столовую. Увидев сторбленную фигурку племянницы, Теплова воскликнула:

– Дашенька, что случилось? Отчего ты плачешь? – она присела рядом с девушкой и обняла ее за плечи. – Расскажи, у тебя болит что? Или обидел тебя кто-то? Милая, расскажи.

Марья Ивановна начала ласково гладить девушку по голове. Даша чуть успокоилась и, подняв на тетушку заплаканное лицо, пролепетала:

– Илья он, он... запретил мне выходить из дому... – она икнула, и Марья Ивановна удивленно спросила:

– Как запретил? Отчего?

– Я так и не поняла отчего, – искренно ответила девушка. – Но он так разозлился и кричал что-то. Я в конце уже совсем не слышала, так испугалась. Он запретил мне и в парк и верхом, и на каток ходить, и в гости. Только до церкви и гулять у дома в нашем саду можно, и все! – Она вновь уткнулась лицом в платье тетушки, и Теплова начала гладить ее по голове. Вдруг Даша выпрямилась и, напряженно смотря на Марию Ивановну, нервно произнесла: – А разве Илья может запрещать мне что-то? Разве не вы главная в доме?

Марья Ивановна замялась и спустя минуту тихо ответила:

– Дашенька, пойми, отныне глава дома Илюша. Он старший мужчина в семье. Да, он может указывать тебе, что делать. Ведь он, как старший брат, наверняка желает тебе лучшего.

– Неправда это. Мне порой кажется, что он ненавидит меня, тетушка! – выпалила нервно Даша, и Марья Ивановна поразилась, что девушка, оказывается, умеет так страстно спорить. – Я чувствую, что и теперь он наказал меня ни за что.

– Ох, не говори так, милая. Я ровным счетом ничего не поняла из твоего рассказа. Но ты не переживай, Дашенька, я сама переговорю с Ильей, и он наверняка отметит свое решение.

В столовую вплыла Лиза в шикарном платье из розового атласа и воскликнула:

– А сегодня рождественский сочельник! – Марья Ивановна и Даша подняли на нее глаза. – А что у вас такие лица кислые? – произнесла Лиза и тут же забыла о своем вопросе. Она подошла к столу и спросила: – Матушка? Может, уже завтрак подавать велите. А то я сегодня такая голодная.

– Сейчас Илья и Оленька придут, и велю, – заметила строго Марья Ивановна. И уже тихо сказала Даше на ушко: – Не переживай, милая, я сегодня же переговорю с Ильей. Он передумает.

– А вы знаете, кто сегодня к нам в гости приедет? – продолжала Лиза и заняла свое место за сервированным столом.

– Кто же? – спросила Марья Ивановна, так и оставшись сидеть с Дашей, которая уже не плакала, а как-то мрачно и печально смотрела на свои руки.

– Бибиков Дмитрий Гаврилович! – воскликнула Лиза радостно. – Он записку с цветами прислал! Очень извинялся, что не смог проводить меня вчера, и к обеду обещался приехать.

– И кто обещался приехать? – раздался баритон входящего в столовую Ильи.

Увидев вновь Теплова, Даша вся сжалась и ощутила, что ей хочется немедленно покинуть столовую. Молодой человек даже не взглянул на нее и внимательно посмотрел на Лизу, ожидая ее ответа.

– Дмитрий Гаврилович! – воодушевленно воскликнула та. В этот момент вошла Оленька.

– Ну что ж, пусть приезжает. Мне как раз с ним поговорить надобно, – заметил важно Илья.

– Все в сборе. Можно и трапезничать, – заметила Марья Ивановна и встала с диванчика.

– Можно, матушка, – кивнул Илья. – Пришла новость из военной коллегии. Главкомандующий нашего полка пожаловал мне отпуск на лечение до апреля, в связи с тем, что мне надобно делами вместо отца управиться. Теперь, значит, не в феврале, а пятого апреля мне надобно прибыть в гарнизон.

– Какая великолепная весть, сынок! – воскликнула Марья Ивановна.

– И не говорите, матушка, – добавил Теплов, усаживаясь во главе стола.

Завтрак прошел в молчании, не считая того, что Лиза пару раз восхищалась тем, как галантен, красив и учтив господин Бибииков. Оленька с интересом слушала те короткие обрывочные фразы Лизы о вчерашнем гулянии. Марья Ивановна молчала и жалостливо проглядывала на Дашу, которая, уткнувшись взглядом в тарелку, ничего не ела и горько вздыхала. Илья так же хранил молчание и как-то не по-доброму поглядывал на всех женщин.

После трапезы Даше было разрешено удалиться в свою комнату, и она, как одержимая, убежала из столовой, чтобы не находиться перед глазами брата, который, видимо, после вчерашнего не просто гневался, а вообще возненавидел ее.

Однако Дашенька была из тех добрых людей, которые легко забывают обиды и помнят о людях только хорошее. Как и накануне она забыла о гадкой фразе, сказанной Тепловым во время того, как она ела блины, потому уже к обеду Даша утвердилась в мысли, что, может, Илья и прав. И она действительно перешла некую грань в общении с подпоручиком. Ведь Илья был ее старшим братом, и он должен был следить не только за их с сестрами содержанием, воспитанием и здоровьем, но и за их репутацией. А Даша прекрасно знала, что подпорченная репутация не позволит молодой барышне удачно выйти замуж, именно этому учила ее тетушка. И, видимо, со стороны Теплову было виднее, достойно или

недостойно она себя вела.

Посему к обеду Даша вышла уже спокойная и довольно умиротворенная. Как раз в это время приехал Дмитрий Гаврилович Бибиков, и Лиза, довольная и щебечущая вокруг него, увлекла молодого человека в гостиную к матери и Оленьке и битый час восхваляла его достоинства перед родными. Даша пришла в гостиную как раз к самому обеду. Марья Ивановна послала за Ильей, который все утро принимал приказчиков, поверенных и управляющих в своем кабинете. Лакей вернулся с ответом, что барин сильно занят и будет обедать чуть позже один. И просит обязательно зайти к нему господина Бибикова, если тот уже приехал.

Итак, все сели к столу. Дмитрий Гаврилович занял место рядом с Лизой, и в отсутствие Ильи весь обед все непринужденно болтали, обсуждая, как провести сегодняшней праздничный ужин. Поскольку был сочельник, Даша предложила после ужина попеть романсы, а Лиза сказала, что можно поиграть в фанты. Марья Ивановна, довольно улыбаясь, спросила дочерей, хотят ли они завтра проехать на ежегодную рождественскую ярмарку, которая открывается завтра утром. Все девушки дружно закивали, а Дмитрий Гаврилович галантно предложил дамам свои услуги по сопровождению.

Довольная трапезой, которая прошла весело и непринужденно, Даша отпросилась в свою комнату, сославшись на то, что ей надо подготовиться к вечернему торжеству. Марья

Ивановна отпустила ее и, ласково поцеловав девушку в лоб, шепнула на ушко, что она не забыла об обещании и обязательно переговорит с Ильей.

Даша вихрем помчалась в свою спальню. У нее оставалось мало времени, а ей надобно было закончить вышивку на рождественском подарке для Ильи – шелковом носовом платке с его инициалами с французской мережкой и вплетенными золотыми нитями. Остальным домочадцам она уже давно сделала подарки. Не ожидая приезда Ильи к Рождеству, Даша начала вышивать ему платок лишь позавчера. И сейчас у нее оставалось до вечера всего четыре или пять часов, но девушка надеялась, что успеет закончить свою работу. Едва Даша взяла в руки иголку, как в ее голове появилась мысль о том, что, когда она вручит такой красивый подарок брату, он непременно растрогается и, забыв про ее недостойное поведение вчера, разрешит ей выходить из дому. И завтра она, конечно же, сможет поехать на рождественскую ярмарку с тетушкой и сестрами.

Илья подписал очередной документ, который подал ему пожилой важный поверенный в напудренном высоком парике, и осведомился:

– Это все бумаги?

– Да, ваше благородие, – ответил Лукьяненко. – Отныне как законный наследник, старший из рода Тепловых, вы являетесь владельцем и управителем всех своих земель, иму-

щества и денег. И теперь я намерен ознакомить вас с той частью наследства, которую наследуют от вашего покойного отца ваша матушка, брат и сестрицы.

– Слушаю, – сказал Илья и внимательно посмотрел на поверенного. – Вы бы присели, дражайший Семен Парамонович, в ногах правды нет, как говорится.

– О, благодарю вас, Илья Григорьевич, – улыбнулся довольный Лукьяненко, поскольку у него побаливали ноги, и долго стоять ему действительно было затруднительно.

Кроме них, в кабинете еще присутствовали управляющий по делам Тепловых, представляющий их интересы в разных промышленных предприятиях, и главный приказчик по всем имениям, деревням и рудникам. Теплов также указал мужчинам на бархатные стулья, и господа, почтительно поблагодарив хозяина дома, уселись напротив молодого человека.

– Я могу начать? – спросил услужливо поверенный. Лукьяненко служил у Тепловых уже более двадцати лет. И Илья знал, что отец очень уважал его. Ибо Семен Парамонович, весьма сведущий в юридических делах, не раз выигрывал для Тепловых дела в суде.

– Прошу вас, Семен Парамонович, – кивнул Илья и, выпрямившись в кресле, сплел пальцы рук в замок, поставив локти на стол.

– После смерти вашего отца, как я уже и сказал, основную долю имущества, более шестидесяти восьми процентов

в денежном выражении, наследуете вы, Илья Григорьевич, – почтительно начал Лукьяненко. – Далее ваша матушка получает большое загородное имение в Ефремово с двумя деревнями и чуть более тысячи душ крепостных, а также сто тысяч годового содержания. Что составляет в денежном эквиваленте пять процентов. Ваш братец, Владимир Григорьевич, получает дом в Петербурге, два усадебных хозяйства с пятью деревнями под Петергофом с шестью тысячами крепостных и четыреста тысяч годового содержания, два рудника, ткацкую фабрику и глиняный завод с приписанными к нему рабочими. Это примерно четвертая часть всего состояния. Ваши сестры Елизавета и Ольга Григорьевны по достижении ими двадцати одного года или же при выходе замуж получают единовременно приданого по пятьсот тысяч наличными. К тому же ваш батюшка повелел, чтобы до замужества или до конца жизни, если так будет угодно вашим сестрицам и матери, они имели право проживать в этом доме, сколько им заблагорассудится.

– Ну, последнее, можно было и не зачитывать, – нахмурился Илья. – Это и так само собой разумеется.

– Извините, Илья Григорьевич, но я читаю завещание вашего покойного батюшки слово в слово. И я уже заканчиваю. Наконец, незначительная часть денежных средств, а именно шестьдесят тысяч из общих денежных доходов будет ежегодно перечисляться в сиротский приют, что находится на Мойке, а также пятьдесят тысяч рублей ежегодного содержа-

ния положено за Дарьей Сергеевной, дочерью вашего дяди, которая, я знаю, проживает вместе с вами. Это содержание будет выплачиваться ей до достижения ею двадцати одного года или замужества. Хочу уточнить, что наследство Дарьи Сергеевны столь незначительно оттого, что ей от ее покойных родителей, насколько мне известно, осталось имение с крепостными, дом в Москве и некоторая часть векселей, что лежат под проценты в банке. Со дня своих именин, едва ей минет двадцать один год, или после замужества, как я ранее упомянул, она сможет распоряжаться всем завещанным ею родителями состоянием.

– А какое именно имущество и на какую сумму принадлежит Дарье Сергеевне? – спросил с интересом Теплов.

– Не могу точно знать, ибо этим вопросом занимался мой заместитель, – ответил Лукьяненко.

– Понятно. У вас все, Семен Парамонович? – осведомился молодой человек.

– Да, – кивнул поверенный.

– Хорошо, – заметил Теплов. – Тогда через неделю жду вас у себя с подробным перечнем всего наследства, которое достанется Дарье Сергеевне по итогу. А также подготовьте бумагу, по которой новым опекуном над Дарьей Сергеевной буду я.

– Но, Илья Григорьевич, ведь ваша матушка в добром здравии, и она прекрасно справляется с ролью опекуниши, – произнес непонимающе Семен Парамонович.

– Моя мать неважно себя чувствует, и именно она попросила меня изменить бумагу об опеке над сестрой. Посему более нет надобности обсуждать это, Семен Парамонович, – добавил Илья так строго и твердо, что поверенный утвердительно кивнул.

– Я подготовлю нужные бумаги, как вы велите, Илья Григорьевич.

– Тогда жду вас к восьми утра третьего января в новом году.

– Я могу идти?

– Нет, обождите, – велел Илья. – Я хочу, чтобы вы выслушали остальных господ.

Поверенный кивнул и, убрав все бумаги в красную папку, с почтением замолчал.

– Теперь вы, Арсений Иванович, – обратился Теплов к полному господину, что был главным приказчиком Тепловых.

– Что бы вы хотели узнать, многоуважаемый Илья Григорьевич? – спросил Чигарев и, встав, поклонился.

– Присаживайтесь, прошу, – уже как-то раздраженно вымолвил Илья. – Мне неуютно, когда вы передо мной стоите, словно я немощный или император какой. – Чигарев сел и прокашлялся. А Илья продолжал: – Доложите, сколько всего имений имеется в вашем ведении, сколько деревень и селений и сколько подушного населения.

Чигарев подробно перечислил все деревни, заводы, руд-

ники, имения и их местонахождение и передал Теплому бумагу с перечнем всех населенных пунктов, домов, где проживали крепостные, обитающие в имениях Тепловых.

– А что по численности? – спросил молодой человек.

– Около тридцати тысяч душ, наверное, – ответил Чигарев.

– Вы не знаете точно?

Чигарев как-то весь засуетился и попытался что-то сказать, но не смог.

– Когда проводилась последняя перепись всех душ? – спросил Илья.

– Пять лет назад, ваше благородие.

– И вы хотите сказать, что за пять лет численность крестьян не поменялась? – удивился Илья.

– А что с ними станется? Мрут, как и положено, от ста до двухсот в год, плодятся тоже вроде исправно.

– За последние пять лет была война, смею вам напомнить, – заметил мрачно Теплов. – Только за последние два года, насколько я помню, было два дополнительных набора в действующую армию. И сколько мужиков вернулось? Вы знаете? А сколько погибло и было ранено?

– Не могу знать, ваше благородие, – тихо промямлил Чигарев.

– А за пять лет каждая баба, если здорова, может родить по пять детей, а иная и по семь? – уже повышая голос, спросил Теплов.

– Не могу знать, ваше благородие, – как попугай, повторил Чигарев.

– Прискорбно, а в северных губерниях прошла эпидемия холеры прошлой зимой? Сколько людей померло от нее в наших имениях?

– Не могу знать, ваше благородие.

Илья замолчал и, нахмурившись, начал медленно стучать пальцем по столу, как будто что-то обдумывая.

– Я понимаю, что мой отец в последние годы очень болел, оттого дела были заброшены, – заметил молодой человек. – Так вот, теперь нам надобно все привести в порядок. Меня не устраивают ваши ответы, Арсений Иванович, «примерно» и «не знаю». Берите перо и пишите.

Илья подвинул к приказчику чернильный набор и лист бумаги. Удостоверившись, что Чигарев взял перо и обмакнул его в чернила, произнес:

– Первое. До десятого числа января месяца провести подушную перепись во всех деревнях, селах, имениях, городских домах и дворцах. Далее сосчитать отдельно людей женского полу, мужского. Составить списки всех крестьян с указанием полного имени отчества, места и дня рождения, а также где в настоящее время проживает и каково ремесло. И все списки привезти ко мне. Я сам их перепишу и составлю отдельные книги, которые сам буду вести.

– Но... – начал неуверенно Чигарев. – Это займет столько времени, а у меня всего семь управляющих по всем губер-

ниями.

– Значит, наймете на работу еще людей. К тому же эти данные помогут вам собрать старосты в селах и деревнях. Таковые везде имеются, – наставительно заметил Илья. – Итак, записали? Второе. Переписать из всех мест детей-сирот, а таковые наверняка есть. Узнать их возраст и полное имя, а также кем были родители. Все это записать в отдельное дело по каждому ребенку, чтобы по совершеннолетию дети знали, кто они и кто их родители. А вам, Никанор Михайлович, – обратился Теплов к третьему высокому сухому мужчине с бородой. – До третьего января месяца составить проект воспитательного дома для сирот. А также рассчитать сумму расходов на его строительство или покупку. Составить сметы расходов на содержание детей, воспитание и образование с расчетом на каждую единицу. Так вот, после того как Арсений Иванович найдет всех сирот, они должны быть переправлены на жилье в этот приют. Не дело им скитаться и просить милостыню или жить в чужих домах.

– Позвольте спросить, Илья Григорьевич, – вмешался в разговор Никанор Михайлович. – Какие навыки должны получать сироты? И сколько раз в день питаться и как одеваться?

– Я думаю, питание должно быть не менее трех раз в день, одежда простая, но опрятная. А по обучению они должны знать грамоту, письмо и уметь читать. Впоследствии, после подсчета всех расходов, возможно, если денежные средства

позволят, для мальчиков можно ввести ремесленное или военное дело, а для девочек обучение рукоделию и шитью. Чтобы потом воспитанники могли заниматься чем-то в жизни. Воспитанники должны жить в сиротском доме до шестнадцати лет.

– Но зачем столько трат, ваше благородие? – возмутился Чигарев. – Ну, помрет одна бродяжка, и что? Невелика потеря.

– Такие разговоры меня не устраивают, Арсений Иванович, – холодно заметил Илья, обратив предупреждающий взор на главного приказчика. – Вам что-то не нравится в моих распоряжениях? Вы всегда можете подать мне заявление об отставке.

– Да нет, что вы, Илья Григорьевич! Я не хотел ничего сказать против вашей воли, – тут же перепугано залепетал Чигарев. – Я просто хотел уведомить вас, что мужичье это не имеет способностей к наукам. Только деньги на ветер выкинете.

– Значит, будет введено правило. Ежегодно десять лучших воспитанников я лично буду экзаменовать, и по итогу они смогут получить вольную грамоту. Чтобы дети стремились к знаниям. Все пока понятно?

– Да, – кивнул хмуро Чигарев.

– Тогда продолжаем. Третье. Составить список всех калек, убогих и больных, которые не могут работать, и ежегодно выплачивать им по пять рублей на пропитание. А также по

семь рублей на содержание для баб, имеющих трех и более детей до шестнадцати лет, которые потеряли кормильца. И хочу вас предостеречь, Арсений Иванович, если мне станет известно, что по каким-то причинам вы утаиваете сведения или, еще хуже, пытаетесь избавиться от сирот или калек, я приму очень жесткие меры.

– Я и не думал о том, ваше благородие, – промямлил Чигарев и окончательно скис.

– Это все замечательно, Илья Григорьевич, но где взять на все это деньги? – вдруг опять вмешался Никанор Михайлович.

– Вы же докладывали, что за последние три года мы получили почти миллион прибыли со всех предприятий, которые теперь лежат в банке под проценты? – спросил Илья.

– Да. Но мы же решили их потратить на покупку еще двух рудников в Сибири.

– Так покупайте, – твердо сказал Илья. – Вы же сами сказали, что рудники будут стоить в пределах трех сотен тысяч вместе с приписанными крестьянами за каждый. И рассчитали, что ежегодно эти рудники будут приносить по пятьдесят тысяч прибыли, так вот на эти деньги и будет содержаться приют, а также выплачиваться пособия вдовам и немощным. Да у нас остаются еще деньги. Постарайтесь на половину остатка купить или построить дом для сирот и обустроить его. Остальные средства пока оставьте в банке под проценты, я пока еще не решил, что с ними делать.

– Вы, конечно, все хорошо рассчитали Илья Григорьевич, – заискивающе заметил Никанор Михайлович, – но надобно все посчитать подробно, как следует.

– Вот к третьему числу и подсчитайте и мне на доклад, обсудим все детали, – произнес Теплов, обведя всех внимательным взором. – Я думаю, господа, что, если в будущем году мы все сделаем, как задумали, через год-другой можно и пару-тройку школ построить в самых больших имениях для детей крестьян и еще какие богоугодные заведения.

– Вот ваш батюшка очень много еще в церковь жертвовал, – сказал вдруг Никанор Михайлович. – До сотни тысяч рублей в год.

– Знаю, – кивнул молодой человек. – Но считаю, что обездоленным детям, старикам и больным деньги и помощь нужнее, чем попам. Я думаю, десять тысяч в год на церковь будет достаточно. И последнее, Арсений Иванович. По всем деревням объявите, что четыре раза в месяц по понедельникам я буду принимать всех желающих с девяти утра и до обеда. Каждый, кто хочет пожаловаться или о чем-то лично меня попросить, может беспрепятственно приехать сюда. Деньги и грамоту на перемещение тому, надеюсь, ваши управляющие на месте выпишут. Так вот, каждый из моих крепостных может прийти и поговорить со мной. Я проверю, Арсений Иванович, как вы оповестите всех. И сам заеду в несколько деревень и спрошу, слышали ли люди об этом или нет.

– Но это-то еще зачем, ваше благородие? – опешил Арсе-

ний Иванович вконец.

– А затем, чтобы вы, Арсений Иванович, боялись, что, если кого несправедливо обидите или накажете ни за что, мне беспрепятственно пожалуются. И уж тогда я сам возьму человека под свою защиту. Беспредела на моих землях не будет, я так желаю, и так будет. А теперь, господа, вы свободны.

Зазвонил дверной колокольчик, и помощник ювелира поднял глаза на вошедшего. Высокий, широкоплечий дворянин, богато одетый, в треуголке и меховом кафтане черного цвета зашел в лавку и начал отряхивать с плеч снег.

– Добрый день, милостивый государь, проходите, пожалуйста, – услужливо заметил юноша и поспешил к визитеру.

Пройдя внутрь, Илья снял шляпу, протянув ее мастеровому. Парень аккуратно положил ее на бархатный стол, специально предназначенный для вещей посетителей.

– Добрый вечер, – поздоровался с юношей Теплов и добавил: – Я наслышан, что у вас лучшая ювелирная лавка на этой улице?

– Да, это так, сударь, – закивал юноша. – Вы бы хотели приобрести что-то для себя или купить подарок?

– Мне нужны подарки для матушки и сестер.

– О, сейчас я позову господина Брозера, и он вам покажет наши драгоценности, – выпалил юноша. – Вы бы хотели откусать чашечку кофею или чаю?

– Нет, благодарю. У меня мало времени, – сухо ответил

Теплов.

– Ах да, я понимаю, – закивал юноша и убежал за небольшие дверцы.

Уже спустя несколько минут к Теплову вышел маленький невзрачный старик с неопрятной бородкой. Он как-то странно улыбнулся, войдя в комнату, где находился Теплов, и сказал:

– Приветствую вас, сударь. Простите, не знаю вас по имени.

– Теплов Илья Григорьевич.

– Очень приятно, меня можете называть господин Брозер. Что бы вы хотели приобрести?

– Мне нужны подарки на Рождество для моей матушки и сестер.

– Это похвально, – закивал старик. – Какие-нибудь будут пожелания? – Нахмурившись, Илья напряженно посмотрел на старика, и ювелир, заметив его колебания, заметил: – Вы не знаете, что лучше подарить, так?

– Вы правы, – согласился молодой человек. – Мне стыдно признаться, но в нынешних туалетах, драгоценностях и моде я совсем ничего не понимаю. Я военный и хорошо разбираюсь в оружии да в лошадях.

– Я понимаю вас, сударь, – усмехнулся неприятно старик. – Вы не беспокойтесь, я вам помогу сделать выбор. Только вы должны мне описать каждую из женщин. Ее внешность, возраст, кем вам приходится, ее повадки и нрав. И я

подберу вам украшения, которые точно придутся по вкусу вашим дамам.

– Чудесно, – кивнул Илья и улыбнулся. – Ежели вы можете, я буду очень благодарен вам.

– Да и еще вопрос. Какую сумму вы рассчитываете потратить?

– Наверное, тысяч десять. Можно уложиться?

– Сударь, этого более чем достаточно, – довольно заулыбался старик, даже не ожидая, что этот господин, одетый в дорожную, но простую одежду, может выложить такую крупную сумму за раз. Не каждый день можно было увидеть таких клиентов, подумал про себя ювелир. – Тогда приступим?

– Согласен, – кивнул Теплов и начал рассматривать драгоценные перстни и кулоны, что лежали перед ним на витрине.

– О, сударь, вам не стоит смотреть на эти безделушки, – уведомил старик. – Они очень дешевы, их покупают в основном купцы или бедные дворяне. Позвольте я задам вам пару вопросов, и из наших хранилищ, которые находятся в другой зале, мой помощник принесет именно те украшения, которые наиболее подойдут.

– Ну, хорошо, – кивнул Илья.

– Для начала ваша матушка?

– Пожалуй. Она очень добрая, заботливая, – ответил Илья. – У нее густые каштановые волосы и большие серые глаза, тонкое лицо. Она не очень любит наряжаться. Но на балы всегда покупает платья по последней моде, насколько

я знаю.

– Какие цвета бальных платьев она предпочитает?

– Светлые и бледные.

– Ясно, – кивнул ювелир. – Я думаю, вашей матушке по статусу подойдут рубины, ограненные бриллиантами, они выгодно оттенят ее светлые наряды и покажут высокое положение в обществе, что она занимает. Микитка! – крикнул старик. Немедля появился юноша. – Принеси с третьей полки бархатную красную коробку, что с рубиновым набором.

– Слушаюсь, – сказал юноша и убежал.

– А теперь ваши сестрицы, какие они? – спросил Брозер.

– Старшая, модница, любит все яркое, блестящее, броское. У нее русые волосы и серые глаза. Она кокетлива, много говорит и любит быть в центре внимания.

– Наверное, золотистый хризолит, – заметил ювелир. – Однако ваша сестра часом не влюблена? Мне отчего-то кажется, что это так.

– Да, в некотором роде вы правы, сударь. Мне показалось, что на днях она как раз влюбилась, – согласился со стариком молодой человек.

– Вот, я предполагал это, – как-то хитро заулыбался старик. – Тогда только пурпурные аметисты, ибо этот камень дарит владельцу удачу в любви и замужестве. У меня как раз есть один гарнитур из редких аметистов.

В этот момент вернулся юноша с первой коробкой.

– Никитка еще аметистовый набор, что в боковом шкафу

на средней полке.

Мальчишка понятливо кивнул и, отдав коробку старику в руки, снова убежал. Мастер раскрыл красную бархатную коробку, и Илья увидел на белом бархате изумительное кольцо из небольших рубинов каплевидной формы, ограненных мелкими бриллиантами. Здесь же лежали длинные серьги и браслет. Илья, хоть и не разбирался в драгоценностях, все же невольно вымолвил:

– Мне нравится. Камни так переливаются, словно светятся. Мне кажется, матушке должно прийти по душе.

– Я тоже так думаю, – добавил ювелир.

Появился Никитка с темно-серой коробкой. Старик взял ее в руки и раскрыл. Перед Ильей предстал следующий гарнитур из аметиста. Колье из серебра, в середине которого красовались три крупных камня разной формы, лежало рядом с серебряными серьгами и прелестным кольцом с аметистом.

– Вы и вправду знаток, – невольно вымолвил Илья, так как и этот комплект ему понравился. Теплов невольно взором сравнил кольца и подвески, что лежали на прилавке за стеклом, с теми драгоценностями, что ему показывал теперь ювелир, и понял, что последние были явно шедеврами.

– Вам нравится?

– Да. Я думаю, Лиза тоже будет довольна. Она любит такие яркие цвета, как этот пурпурный камень. Но что же подарить младшей сестренке? Ей всего двенадцать. Она еще не

выходит в свет.

– Будьте любезны, опишите и ее.

– Она добрая в матушку, веселая, милая, хорошенькая с темными каштановыми косами и голубыми глазами.

– Мне кажется, что небольшие серьги с голубыми топазами как раз подойдут, и она сможет их надевать на домашние праздники. Микитка принеси серьги с камнем-кабошоном.

– Я понял, – кивнул юноша и убежал. Уже через минуту он принес маленькую белую коробочку. Илья одобрил и эти серьги.

– Это все ваши дамы?

– Да, – кивнул Илья как-то неуверенно и тихо произнес: – Правда, есть еще одна... – Теплов тут же запнулся и нахмурился, опуская глаза в пол.

– Девушка? – спросил старик.

– Ну да, – выдохнул Илья, и светлый притягательный образ Даши мгновенно всплыл в памяти молодого человека.

– Ей вы тоже хотите купить подарок? – спросил Брозер, сразу же догадавшись, что эта девушка является возлюбленной или же еще только предметом обожания молодого человека, и оттого он так смущен.

– Я думаю, да, – кивнул Илья неуверенно.

– Вы опишете ее? – спросил старик.

– Она очень юна, – сухо вымолвил Илья.

– Так, – кивнул старик. – А еще?

– Она... – Теплов замялся и напряженно посмотрел в

лицо старика, подбирая нужные слова. В мыслях Илья уже придумал целый ворох слов о Даше, но вслух боялся озвучить их, предполагая, что старик сразу же догадается, что он влюблен в эту девушку. Потому молодой человек лишь выдал из себя. – У нее светлая кожа и синие глаза.

– Ну а сама, она какая? Что любит?

– Спокойная, – вымолвил Теплов, а про себя тут же подумал: «Прелестная, сладкая, резвая, манящая, смешливая, добрая, ранимая, нежная и такая...» Илья тотчас осек свои мысли, которые понеслись вскачь на тему Даши. – Ну, даже не знаю, что вам еще сказать, – замялся он.

– Понятно, – хитро кивнул старик, догадавшись, что молодой человек не скажет ему правду о том, какой девушка кажется ему на самом деле. «Видать, и впрямь сильно влюблен в эту девицу», – подумал Брозер. – Микитка, принеси все сапфиры, которые есть.

Они остались со стариком-ювелиром одни, и Илья начал напряженно размышлять, а стоит ли вообще покупать подарок для Даши? Она недостойна его подарка. Ведь только и делает, что раздражает его своими губками и глазами. А вчера она вела себя просто непозволительно, соблазняя Михайлова.

Вернувшись из комнаты, Никитка поставил перед стариком четыре коробки. Илья, чтобы отвлечься от своих гнетущих дум, устремил взор в первую коробку, что старик открыл перед ним.

– Как вам, Илья Григорьевич? – осведомился ювелир. Илья нехотя взглянул на сапфировое кольцо и серьги насыщенного голубого цвета. И отчего-то тут же понял, что старик решил подобрать гарнитур в цвет глаз Даши. Но цвет камней был не тот, голубой, а не синий.

– Не то, – нахмурился Илья.

– А этот? – открыл вторую коробку ювелир. Перед Тепловым предстала сапфировая диадема очень темного синего цвета.

Илья вновь отрицательно помотал головой. И вновь в голове молодого человека закружились навязчивые мысли. Он вдруг представил, как будет дарить этот подарок Даше. Она, конечно, поблагодарит его и, возможно, даже поцелует в щеку. Тут молодой человек замер, ошалев. В этот момент ювелир открыл третью коробку с бледно-синей брошью в виде розы. Илья напряжено вымолвил:

– Оттенки не те. У нее глаза, словно синь морская, яркие, бездонные и светятся так, что оторваться невозможно.

Вспомнив глаза Даши, он снова представил, как девушка поднимается на цыпочки и целует его щеку. Теплова миг накрыло осознание того, что он просто не выдержит этого ее поцелуя. Ювелир открыл последнюю коробку, и перед Тепловым оказались браслет и кольцо фиолетово-синего оттенка.

– Не то, совсем не то, – помотал головой Илья, погруженный в свои мысли. Старик уже нахмурился, не зная, что

предложить. Единственное, что Брозер понимал, что молодой человек неистово и пламенно влюблен в девушку, раз не может выбрать и явно боится не угодить ей.

В следующий момент Теплов осознал, что покупать подарок Даше будет огромной глупостью с его стороны. Она своим кокетством и поведением явно не заслуживала никакого подарка. В своих мыслях он начал распалиться все сильнее и уже через миг воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.